DOI: 10.37892/2500-2902-2020-37-2-77-113

И. В. Федотова

Полисемия в списках самодийской базисной лексики и языковые контакты

Федотова Идалия Вячеславовна,
НИУ «Высшая школа экономики», Институт языкознания РАН,
Институт системного программирования имени В.П. Иванникова РАН (Москва);
idal.fedotova@gmail.com

В статье проанализированы случаи семантических переходов и праязыковой полисемии в самодийской базисной лексике, которые имеют аналоги в тюркских и тунгусских языках. С помощью платформы ЛингвоДок построены карты, позволяющие выявить ареалы схожей полисемии и аналогичных семантических переходов в трех языковых семьях. Результаты исследования представляют собой 15 семантических переходов в виде полисемии, семантической эволюции или рефлексной полисемии: ‘солнце, день’; ‘земля (место), почва’; ‘земля’ > ‘пепел’; ‘земля’ > ‘песок’; ‘земля’ > ‘глина’; ‘песок, галька’; ‘кожа, шкура’; ‘кожа, шкура’ > ‘кора’; ‘волосы, шерсть, перо’; ‘перо, крыло’; ‘человек, мужчина’; ‘мясо, тело’; ‘шея, горло’; ‘хороший’ > ‘красивый’; ‘мягкий’ > ‘теплый’. Выявлены 7 самодийско-тюркско-тунгусских параллелей, 5 самодийско-тюркских и 3 самодийско-тунгусских параллели. На картах форма и размер ареала свидетельствуют о том, что одни случаи полисемии ограничены определенной областью, а другие широко распространены и занимают территорию всей Западной Сибири, вообще всей Сибири или всей Евразии. В корнях с праязыковой полисемией, не привязанной к конкретному ареалу, обнаружены семантические переходы, закрепленные на определенной территории. Показаны случаи возможного влияния экстралингвистических факторов на аналогичные семантические изменения в неродственных языках (‘кора’ в самодийских, тюркских и тунгусских языках), а также случаи влияния семантики тюркских языков на исконную лексику в контактных самодийских языках (‘пепел’, ‘глина’).

Ключевые слова: базисная лексика, самодийские языки, тюркские языки, тунгусские языки, полисемия, синкретизм, широкое значение, семантический переход, этимология, семантическая реконструкция, ареальная лингвистика, языковые контакты

POLYSEMY IN THE SAMOYED CORE LEXICON LISTS AND LANGUAGE CONTACTS

Idaliya V. Fedotova,
National Research University “Higher School of Economics”, Institute of Linguistics, RAS,
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow);
idal.fedotova@gmail.com

This paper investigates cases of semantic shifts and proto-language polysemy in the Samoyed core lexicon. This research focuses on the shifts which have analogies in Turkic and Tungusic languages, identified with the help of semantic reconstruction. Special maps were created at LingvoDoc linguistic platform in order to demonstrate areas of similar polysemy and semantic shifts, possibly contact-induced. Using materials from archival and expeditionary dictionaries, the paper proposes a detailed account of the available lexicon of the Samoyed languages within the scope of core lexicon. Our results show 15 semantic shifts in the form of polysemy, semantic evolution and cognates: ‘sun, day’; ‘earth (place), soil’; ‘earth’ > ‘ashes’; ‘earth’ > ‘sand’; ‘earth’ > ‘clay’; ‘sand, pebbles’; ‘human skin, animal skin’; ‘skin’ > ‘bark’; ‘hair, fleece, feather’; ‘feather, wing’; ‘person, man’; ‘meat, body’; ‘neck, throat’; ‘good’ > ‘beautiful’; ‘soft’ > ‘warm’. The maps created at LingvoDoc provide evidence of intense language contacts in the past and present, or display an absence of such evidence. Judging by the shape and the size of the areas on the maps it can be seen that some cases of polysemy are local, while others are widespread on the territory of Western Siberia, whole Siberia or whole Eurasia. The highlight is that 7 Samoyed-Turkic-Tungusic parallels, 5 Samoyed-Turkic parallels and 3 Samoyed-Tungusic parallels have been found within the 100-item Swadesh wordlists of these languages. Also, some cases were identified in which extralinguistic factors might have influenced similar changes in genealogically non-related languages (‘bark’ in Samoyed, Turkic and Tungusic) and suggested a Turkic influence on the Samoyed inherited lexicon (‘ashes’, ‘clay’).

Keywords: core lexicon lists, the Samoyed languages, the Turkic languages, the Tungusic languages, polysemy, syncretism, semantic generality, semantic shift, etymology, semantic reconstruction, areal linguistics, language contacts

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00119 «Создание интерактивного атласа по уральским языкам».

Как происходят семантические изменения от праязыка к языкам-потомкам? Насколько вероятно влияние языковых контактов на изменение значений в исконной лексике? Какие семантические переходы[1] являются ареально обусловленными, а какие встречаются на всей территории распространения языковой семьи? Может ли полисемия[2] в контактных языках быть катализатором семантических изменений в исконной лексике?

Изучение семантических переходов и их типологии является одной из самых актуальных областей современной лингвистики. Подробная история изучения семантических переходов в синхронии и диахронии изложена в [Зализняк 2001], а переосмысление и радикальные перемены, произошедшие в этой области за последние двадцать лет, в [Зализняк 2018].

Очень активно исследуется межъязыковая полисемия (cross-linguistic polysemy) как основание для проверки достоверности семантических переходов в диахронии, часто с применением количественных методов анализа (статьи в сборнике [Vanhove 2008], а также [Dellert 2014; Münch, Dellert 2015]). Существуют и пополняются обширные базы данных, в которых можно найти полисемию и семантические переходы, — «Каталог семантических переходов» под руководством Анны А. Зализняк, CLICS — каталог межъязыковых колексификаций, под этим термином понимается совмещение двух значений в одном звуковом комплексе, независимо от происхождения слова (полисемия или омонимия). Однако колексификация или полисемия может быть и исследовательской трактовкой того, что на самом деле является синкретизмом или широким значением [Gast, Koptjevskaja-Tamm 2018: 52]. В статье [Rzymski et al. 2020] подробно описана работа каталога CLICS от стадии сбора материала до возможностей последующего компьютерного анализа данных. Как показывают итоговые графики, значения, которые могут передаваться одной и той же лексемой, группируются вокруг «центра притяжения» на основе семантической близости и образуют отдельные «семантические сообщества» (“semantic communities”). Из 20 самых распространенных колексификаций по данным CLICS в настоящей статье рассматриваются ‘кожа’, ‘кора’ (49 языковых семей, 209 языков) и ‘земля’, ‘почва’ (43 семьи, 133 языка).

Полисемия и семантические переходы занимают важное место в сравнительно-историческом языкознании. В монографии по праязыковой семантической реконструкции [Дыбо 1996] изложены методы и технические приемы, позволяющие точно восстановить изменение значений в пределах лексических микросистем. Есть указания и на контактную природу семантических изменений: «В результате тесного контакта языков с разными номинационными решетками (скорее всего, при наличии хотя бы функционально ограниченного двуязычия) высокочастотные контексты калькируются; соответственно, заимствуется система лексических противопоставлений» [Дыбо 1996: 32]. «Сам процесс перехода на противопоставление ‘рука’ ~ ‘кисть’ в уральских языках, видимо, вызван контактными причинами: такая оппозиция характерна для всего севера Сибири» [Дыбо 1996: 108—109]. «Ареальное рассмотрение лексических подсистем в алтайских языках, сопряженное с рассмотрением соответствующих подсистем в контактировавших с алтайскими языках, дает возможность определить для части смысловых переходов контактное происхождение (что в ряде случаев позволяет установить направление этих переходов) и, кроме того, установить критерии возможности устойчивого (неокказионального) заимствования для тех или иных единиц лексической системы» [Дыбо 1996: 17]. Опыт применения этой методики семантической реконструкции был осмыслен в более поздней статье того же автора [Дыбо 2011]: изложены теоретические основания семантической реконструкции, продемонстрированы результаты в различных группах лексики — части тела, подарки в тюркских языках, названия жилища, антропоморфная и зооморфная метафора (ландшафт, артефакты, социальная организация). Для уральских языков в группе соматических терминов предпринято исследование полисемии и семантических переходов с проекцией на праязыковой уровень в статье [Дубровская 2011].

Праиндоевропейская система цветообозначений исследована в монографии [Норманская 2005]: описаны системные семантические изменения от праязыкового состояния к древним языкам и далее к их потомкам. В монографии [Норманская, Дыбо 2010] изложен алгоритм семантической реконструкции для лексики природного окружения в уральских языках. Выявлены принципы разграничения архаической многозначности и инновационной многозначности в метеорологической лексике: архаической по-

[1] «Под “семантическим переходом” понимается факт совмещения, в пределах одного слова, двух разных значений — в форме либо синхронной полисемии, либо диахронической семантической эволюции» [Зализняк 2009: 107].

[2] Под полисемией, следуя за Ю. Д. Апресяном, мы понимаем лексическую многозначность. «Слово А называется многозначным, если для любых двух его значений a_i и a_j найдутся такие значения $a_1, a_2, \ldots, a_k, a_l$, что a_i сходно с a_1, a_1 — с a_2, и т. д., a_k — с a_l и a_l — с a_j. Как видим, определение не требует, чтобы общая часть была у всех значений многозначного слова; достаточно, чтобы каждое из значений было связано хотя бы с одним другим значением» [Апресян 1995: 187].

лисемия признается лишь в том случае, если она представлена у рефлексов одного и того же пратюркского слова в языках географически отдаленных и неблизкородственных. Инновационной признается многозначность у этимологически неродственных слов, или в языках, располагающихся в связном ареале, или в языках, относящихся к одной дочерней тюркской языковой семье. Монографии предшествовали статьи на эту тему: [Дыбо, Норманская 2010; Норманская 2006, 2008a] об этимологиях названий снега, [Норманская 2008b] о пратюркской системе названий климатических явлений, [Норманская 2008c] о реконструкции названий растений в уральских языках и локализации прародин уральских языков, [Норманская 2008d] об условиях появления многозначности в тюркских и уральских языках, [Норманская 2010] о названиях оленя в хантыйских диалектах и типах оленеводства (доказано, что в западных говорах используется исконная обско-угорская лексика и представлен тундровый тип оленеводства, а в восточных говорах много заимствований из ненецкого и таежный тип оленеводства). Влиянию экстралингвистических факторов на семантические изменения в системе глаголов плавания в самодийских языках посвящена работа [Норманская, Красикова 2009]. Далее в этой области исследований опубликованы статьи [Норманская 2015] об условиях семантических переходов в названиях рыб и птиц в уральских языках, [Дыбо, Норманская 2014] об исторической типологии названий оружия в уральских и алтайских языках. Праязыковая реконструкция систем ландшафтной лексики в индоевропейской и алтайской языковых семьях проведена в работе [Dybo 2013].

Важным инструментом для анализа семантических изменений в диахронии является список базисной лексики, или «список Сводеша», впервые предложенный в работах [Swadesh 1952, 1955] для установления родства языков. Этот список включает 100 английских слов, как характеризует его А. В. Дыбо, «с предположительно простыми значениями, предположительно относящимися к докультурному словарному составу. Исходя из презумпции, что лексика чаще всего заимствуется вместе с реалиями (предметами и понятиями, которые соответствующие слова обозначают), ученые полагают, что слова-переводы списка Сводеша в различных языках мира существенно реже являются заимствованиями, чем другая лексика» [Дыбо 2013: 5]. Анализ такого списка в разных языках позволяет иметь дело со словами, у которых, во-первых, надежно реконструируются праформы и, во-вторых, нет привязки к определенной группе лексики; таким образом, исследование дает возможность выявить процессы, общие для разных лексических групп. Семантическая трактовка слов из списка Сводеша подробно изложена в статье [Kassian et al. 2010].

22 слова из списка Сводеша использованы для праязыковой реконструкции и выявления семантических переходов в разных языковых семьях в работе [Croft et al. 2009]. Наиболее полное этимологическое исследование базисного лексикона на примере одной языковой семьи являет собой монография А. В. Дыбо «Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков» [Дыбо 2013]. В этой монографии показан потенциал изучения стословных списков, в том числе для выяснения того, как лексемы и их значения группируются в различных ареалах; также рассматривается семантическое окружение лексем из списка, что позволяет увидеть системные изменения в семантике. Стословные списки некоторых самодийских языков рассматриваются в работе [Коряков 2018]: на основании лексикостатических данных делается вывод о том, являются ли ненецкие, энецкие и селькупские идиомы разными языками или диалектами одного языка.

Исследование языковых ареалов в синхронии и диахронии, языковых контактов и экстралингвистических факторов, являющихся вероятными причинами определенных общих черт всех языков, входящих в ареал, имеет долгую историю и в основном посвящено лексическим заимствованиям и изменениям в грамматике (начиная с [Weinreich 1953]). Упомянем лишь некоторые работы, в которых отмечена контактная природа семантических изменений или общие черты семантики слов из разных языков, но в одном ареале. В работе [Witkowski, Brown 1985] показана связь отсутствия полисемии в названии верхних конечностей в языках, расположенных выше определенной географической широты, и ношения одежды с длинными рукавами (более вероятна номинация частей руки разными словами). В статье [Dybo 1995] о названиях указательного пальца в Евразии показано, как мотивационные модели распределены по ареалам. Как следует из работы [Dubrovskaya 2014] на материале селькупского языка, семантическая структура существительных, наличие или отсутствие полисемии может быть связано с влиянием языковых контактов. В монографии [Мызников 2004] исследователь указывает на «взаимодействие и взаимовлияние в области семантики» между прибалтийско-финскими языками и русскими диалектами смежных ареалов, что проявляется в калькировании. Однако автор утверждает, что «разработка моделей репрезентации семантически сходных, но принадлежащих различным языковым средам единиц может быть оправдана только в отношении тщательно изученного ареала» [Мызников 2004: 36]. Типология ареалов, основанная на картах Общеславянского лингвистического атласа, разработана в труде [Вендина 2014]: показана эволюция ареалов от праязыкового состояния к современному, делаются важные выводы о разграничении праславянских диалектов и о преобладании конвергентных процессов в лексике.

На синхронном уровне в статье [Gast, Kopjetskaja-Tamm 2018] проведено исследование колексификации на обширном языковом материале с помощью двух баз данных. Выявлены ареалы, где локализованы случаи колексификации (всего 23, особенно подробно рассмотрены и показаны на картах ареалы совмещения значений ‘перо’/‘волосы’, ‘огонь’/‘дерево’, ‘огонь’/‘дрова’, ‘гора’/‘камень’, ‘ухо’/‘лист’ и ‘кора’/‘кожа’), и проведена проверка генетической однородности языков в этих ареалах. Оказывается, что контактные языки, не родственные друг другу, могут образовывать ареалы распространения определенных значений. В этой работе продемонстрирована возможность изучения ареальной семантики и контактной полисемии с помощью баз данных. Ареальной полисемии ‘земля’/‘год’ в североамериканских языках посвящена статья [Zhivlov 2019], где для определенных языков установлено контактное происхождение этой полисемии.

Контакты самодийских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков описаны, в частности, в монографиях [Дыбо 2007; Аникин, Хелимский 2007] и статье [Терентьев 1999].

Источники и методы исследования

Задача исследования состояла в том, чтобы на материале списков базисной лексики в самодийских языках выявить именно те случаи полисемии на уровне прасамодийского языка, которые имеют аналоги в контактных тюркских и тунгусских языках, а также выявить случаи параллельного развития значения от праязыка к языкам-потомкам.

Поиск полисемии и семантических переходов в самодийских списках Сводеша в первую очередь осуществлялся по этимологическому словарю [Janhunen 1977], после этого лексемы специально проверялись по словарям отдельных самодийских языков: нганасанский по [Костеркина и др. 2001; Хелимский Нганасанский словарь], тундровый ненецкий по [Терещенко 1965], лесной ненецкий по [Бармич, Вэлло 2002], энецкий (тундровый диалект) по [Хелимский Энецкий словарь], энецкий (лесной диалект) по [Сорокина, Болина 2009], селькупский по [Быконя и др. 2005; Хелимский 2007], камасинский по [Kamassisches Wörterbuch], маторский по [Helimski 1997]. Также материалы дополнялись из экспедиционных и архивных словарей, опубликованных на портале http://lingvodoc.ispras.ru/. Реконструкция праязыкового значения в [Janhunen 1977] принималась, только если значение представлено в двух самодийских группах: северносамодийских — ненецкий, энецкий, нганасанский — и, с другой стороны, селькупском, камасинском и маторско-тайгийско-карагасском (классификация по [Хелимский 1982: 39]).

Тюркские этимологии взяты из «Этимологического словаря базисной лексики тюркских языков» А. В. Дыбо [Дыбо 2013]. В этом словаре произведена исчерпывающая проверка материала литературных тюркских языков и опубликованных к тому времени диалектных словарей, поэтому он был выбран для первого этапа нашей сравнительной работы. В последние годы активно ведется полевая работа по уточнению состава списка Сводеша и семантики входящих в него слов в тюркских диалектах, многие материалы и словари еще ждут публикации, поэтому поиск полисемии и семантических переходов в списках базисной лексики всех тюркских диалектов — это дело будущего, и вполне ожидаемо, что облик карт с ареалами контактных изменений значения будет другим. На данном этапе, для предварительных замечаний, мы опирались на вышеупомянутый словарь, а в случаях, когда нужно было уточнить наличие полисемии, материал дополнялся данными из [ЭСТЯ] и опубликованных на портале http://lingvodoc.ispras.ru/ диалектных словарей.

В определенных случаях для подтверждения существования полисемии были опрошены информанты — носители соответствующих языков: ненецкого и селькупского (самодийские языки), алтайского, челканского, шорского, тувинского, башкирского, татарского, казахского, турецкого и якутского (тюркские языки). В уточнении нуждались слова со значениями ‘земля’ (‘почва’, ‘место’, ‘территория’), ‘пепел’ (может ли называться тем же словом, что ‘земля’), ‘глина’ (как материал и как вид почвы), ‘мех’ (как волосяной покров и как шкура с мехом), ‘кора’; кроме того, проверялось наличие лексем с полисемией ‘песок’ и ‘галька’, ‘перо’ и ‘крыло’, ‘волосы’ и ‘шерсть’, ‘кожа’ и ‘шкура’ (есть ли отдельное обозначение для ‘выделанной шкуры’), ‘хороший’ и ‘красивый’, ‘мужчина’ и ‘человек’, ‘мясо’ и ‘тело’, ‘шея’ и ‘горло’, ‘теплый’ и ‘мягкий’, ‘солнце’ и ‘день’.

Опрос проводился следующим образом. Для всех этих значений были составлены списки диагностических контекстов на русском языке (использовались списки из статьи [Kassian et al. 2010]; если интересующие нас значения не были упомянуты в этой статье, мы составляли для них собственные списки), и информанты предлагали перевод интересующих нас слов или предложений целиком. В большинстве случаев полученные данные совпали с данными словарей. Если же они дополнили опубликованные материалы или изменили облик карт, то в статье приводятся диагностические контексты и переводы, присланные информантами, с указанием на язык и источник (‘земля (место), почва’ — башк., ‘пепел’, ‘галька’ — челкан., ‘кора’ — сельк., шор., ‘глина’ — нен., шор., ‘кожа, шкура’ — шор., ‘мех’ — челкан., казах.).

Источником по тунгусо-маньчжурским языкам послужил «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» [ТМС]. Лексическое значение проецировалось на праязыковой уровень, в случае если оно сохранилось минимум в двух из трех ветвей: севернотунгусские, южнотунгусские языки и маньчжурский. Облик реконструированной формы приводится по [EDAL].

Построение карт с ареалами распространения полисемии и семантических переходов проводилось в Виртуальной лаборатории «ЛингвоДок» с помощью функций «Выбрать языки» и «Построение ареалов». Следует отметить, что функция построения ареалов основана на математической модели и не всегда идеально соответствует задачам лингвогеографии, поэтому те случаи, когда по техническим причинам нарисованная область ареалов не точно отражает распространение языков и диалектов, специально оговариваются в описании карт. Квадратам на карте соответствуют подтвержденные места, в которых зафиксирован тот или иной язык: это либо конкретные географические координаты, к которым на платформе «ЛингвоДок» привязаны экспедиционные или архивные словари, либо, если в базе «ЛингвоДок» нет соответствующего словаря, населенный пункт (столицы государств, областные центры или конкретные деревни и поселки, указанные в изданных словарях по рассматриваемым языкам). Таким образом, ареал распространения полисемии или семантических переходов в строгом смысле следует понимать как пространство между квадратами — населенными пунктами. При определенном масштабе ареал вокруг квадратов программа рисует слишком большим, и, если это важно, в таких случаях дается приближенный вариант рассматриваемой области.

Необходимо прокомментировать понятие семантического перехода, являющееся центральным для статьи, ввиду того что этот термин возник в области исторической семантики, но в современной семантической типологии понимается расширительно.

«Под семантическим переходом понимается наличие некой концептуальной смежности между двумя языковыми значениями А и В, проявляющейся в том, что данные два значения совмещаются в пределах одного слова в широком смысле» [Зализняк 2013: 33]. «Семантический переход — это, по существу, расширение понятия полисемии — за счет расширения понятия “одного и того же слова”, а именно, включения сюда диахронической семантической эволюции, диалектного варьирования и морфологической деривации» [там же: 35].

Реализации семантических переходов, в терминологии А. А. Зализняк, могут быть следующими: 1) синхронная полисемия; 2) диахроническая семантическая эволюция некоторого слова от языка-предка к языку-потомку или в пределах одного языка; 3) морфологическая деривация: значение В представлено морфологическим дериватом слова, имеющего значение А, или наоборот; 4) когнаты: значения А и В принадлежать двум (близко)родственным языкам и восходят к одному слову их общего языка-предка; 5) заимствование: значение В принадлежит заимствованному слову, А является значением того же слова в языке-источнике [Зализняк 2013: 33—34]. Только пятый тип не рассматривается в данной статье, а вместо термина «когнаты» используется «рефлексная полисемия»[3].

Результаты

Полученные данные представлены в виде таблицы и семнадцати карт. С одной стороны, оказалось, что выявленные случаи полисемии и семантических переходов сгруппированы вокруг определенных тематических групп:

Небесные светила	солнце, день
Ландшафт	земля, почва земля, почва > глина земля, почва > песок песок > галька земля, почва > пепел
Животный и растительный мир	кожа, шкура кожа, шкура > кора волосы, перо перо, крыло

[3] «При сравнительно-историческом семантическом анализе можно рассматривать варьирование значений рефлексов слова праязыка как род многозначности, скажем, многозначность внутри языковой семьи» [Дыбо 2011: 364]. Термин «рефлексная многозначность», кажется, впервые введен в работе [Дыбо 2005], широко используется в «Тезаурусе» [Норманская, Дыбо 2010]. Для единообразия в терминологии, учитывая, что лексическую многозначность называют полисемией, мы будем использовать именно вариант «рефлексная полисемия».

Человек	человек > мужчина
Части тела	мясо, тело шея, горло
Качества	хороший, красивый; мягкий > теплый

С другой стороны, каждый семантический переход может быть засвидетельствован в форме полисемии или семантической эволюции (развитие значения) в разных языковых семьях, как видно в следующем списке:

— ПС и ПТ полисемия: солнце, день; земля, почва;
— ПТ полисемия — развитие значения в самодийских: солнце — день; земля — глина;
— развитие значения в тюркских — ПС полисемия: мягкий — теплый, земля — почва;
— развитие значения в тюркских и самодийских языках: земля — глина, земля — песок; сор, грязь — пепел;
— ПТМ и ПС полисемия: перо, крыло; шея, горло; мягкий, теплый; кожа, шкура;
— ПТМ полисемия — развитие значения в самодийских: человек — мужчина;
— развитие значения в тунгусских — ПС полисемия: кожа — шкура — кора, волосы — перо, хороший — красивый;
— развитие значения в тунгусских и самодийских языках: песок — галька.

На всех картах красным цветом обозначен самодийский ареал, синим — тюркский, желтым — тунгусский.

Небесные светила

солнце, день: ***праязыковая полисемия в самодийских и тюркских языках***

В самодийских языках выявляются два корня с синхронной полисемией ‘солнце, день’. Исторически в одном корне, **jälä*, представлены рефлексы праязыковой полисемии или синкретизма ‘солнце, свет, день’, во втором, **kåjå*, восстанавливается развитие значения *‘солнце’ > ‘день’.

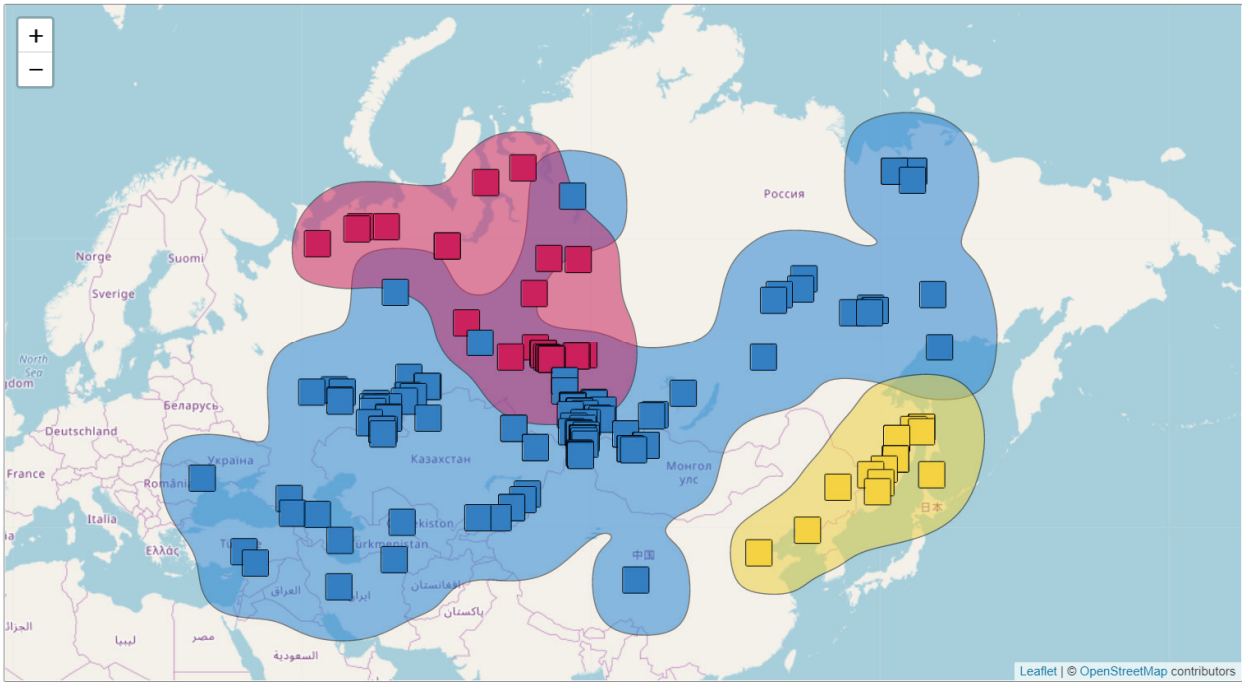
1) ПС **jälä* ‘свет, день, солнце’ (нен., сельк.) [Janhunen 1977: 40].

В словарях ненецкого и селькупского языков зафиксированы рефлексы этой праформы с полисемией на синхронном уровне: **нен. Т.** *яля* ‘день, солнце, свет’ [Терещенко 1965: 838], **нен. Л.** *дяля* ‘день; свет, освещение; солнце’ [Бармич, Вэлло 2002: 35], **сельк.** таз. *cēli* ‘день; свет; солнце’ [Хелимский 2007: 24], об. Ш, кет., вас., тым. *тел*, *тēл*, кет. *телат*, *тēлат*, об. С, Ш, тым. *телд*, об. С *телде*, *тэлде*, об. С, кет. *телыт* ‘день; солнце’, об. Ш, кет. *телт*, *тēлт* ‘день, солнце, погода’ [Быконя и др. 2005: 235], об., вас. *чел*, ел. *чели*, тур. *чēлы* ‘день; солнце’, об. Ч, тым. *челд*, об. Ч *чēлдэ̄*, об. Ч, вас. *челт*, вас. *челыды*, *челыт* ‘день; свет; солнце’ [там же: 279], об. Ч *челы* ‘день; солнце; небо’ [там же: 280], нар. *tɐ'εld* ‘день, солнце, свет’ [Сл. нарым. диал. сельк. яз.], верхнетолькин. *tʃʔelʲi* ‘солнце; день’ [Сл. верхнетолькин. диал. сельк. яз.].

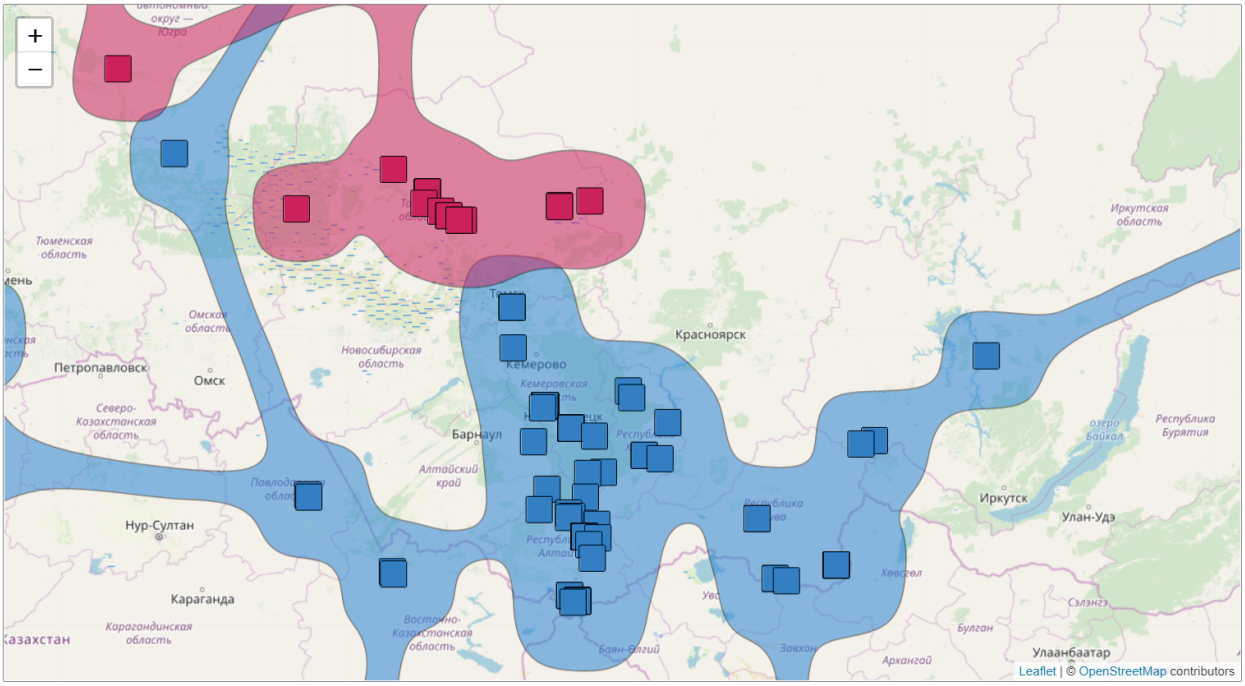
В статье [Диденко, Дубровская 2012] на основе словарных, архивных и полевых данных показано, что семантическая структура упомянутого селькупского слова представляет собой развитие «от самого широкого и общего представления — “когда на небе солнце = свет = день” — к расчленению и оппозиции выделенных частных значений» [Диденко, Дубровская 2012: 90]. Иными словами, перед нами синкретизм значений или широкое значение, в словарях отраженное как полисемия. Исходя из нен. Т. *яля*, нен. Л. *дяля* ‘день, солнце, свет’, можно утверждать, что синкретизм присутствует и в ненецком. В нганасанском языке у продолжения **jälä* зафиксирована другая полисемия, значение ‘солнце’ утрачено (реликтом этого значения может быть ‘круглая подвеска’), но присутствует ‘погода’: нган. *дялы* ‘день; погода; круглая подвеска, украшение’ [Костеркина и др. 2001: 54]. В энецком языке рефлексы этой праформы имеют значение ‘день’, ‘свет’, ‘заря’, но не ‘солнце’: эн. тундр. *ďere* ‘день’ [Хелимский Энецкий словарь], эн. лесн. *дери* ‘день; свет, освещение; рассвет, заря’ [Сорокина, Болина 2009: 97]. Таким образом, данные современных словарей подтверждают прасамодийскую реконструкцию значения, предложенную Ю. Янхуненом, ‘солнце’, ‘день’ и ‘свет’, так как все они встречаются в обеих ветвях самодийских языков, хотя и в разных сочетаниях.

Пратюркская полисемия устанавливается на основании синхронной полисемии ‘солнце, день, солнцепек’ в следующих языках: ПТ ***gün(-eλ)* ‘солнце, день, солнцепек’** > як., долган. *kün*, тув., тоф. *xün*, хакас., шор. *kün*, нуйг. *kün*, халадж. *kin*, *kün*, тур., гаг. *gün*, *güneš*, аз. *gün*, *günäš*, туркм. *gün*, сал. *gü:n*, кумык. *gün*, *güneš*, кбалк. *kün*, тат. *kön*, башк. *kön*, *könäs*, ног., казах., ккалп., кирг., алт. *kün* [Дыбо 2013: 488—489; ЭСТЯ 1980: 100—104].

Желтым цветом на карте обозначена синхронная полисемия, явившаяся результатом семантического перехода ‘день’ — ‘солнце’ в близкородственных тунгусо-манчжурских языках: **чж.** *yīh-nêng-kih* ‘солнце, день’ [ТМС 1: 319] < ПТМ **ine-ŋī* ‘день’ [EDAL: 586], **ма.** *шун* ‘солнце; день’ [ТМС 2: 78] < ПТМ **sigūn* ‘солнце’ [EDAL: 1274]. В ульчском и нанайском языках у рефлексов этой праформы зафиксированы словосочетания со значением ‘полдень’: **ульч.** *сиу*(*н-*) *токони́*, **нан.** *сиӯ токони́* [ТМС 2: 78] (*токони́* в обоих языках — ‘середина’ с показателем принадлежности 3 л.). К данному сопоставлению эти случаи тоже можно привлечь, так как семантика ‘полдень’ должна была возникнуть в результате образования словосочетания ‘день’ + ‘середина’, что свидетельствует о существовании значения ‘день’ у рефлексов **sigūn* в ульчском и нанайском языках, по крайней мере на этапе возникновения этих словосочетаний.



‘солнце, день’



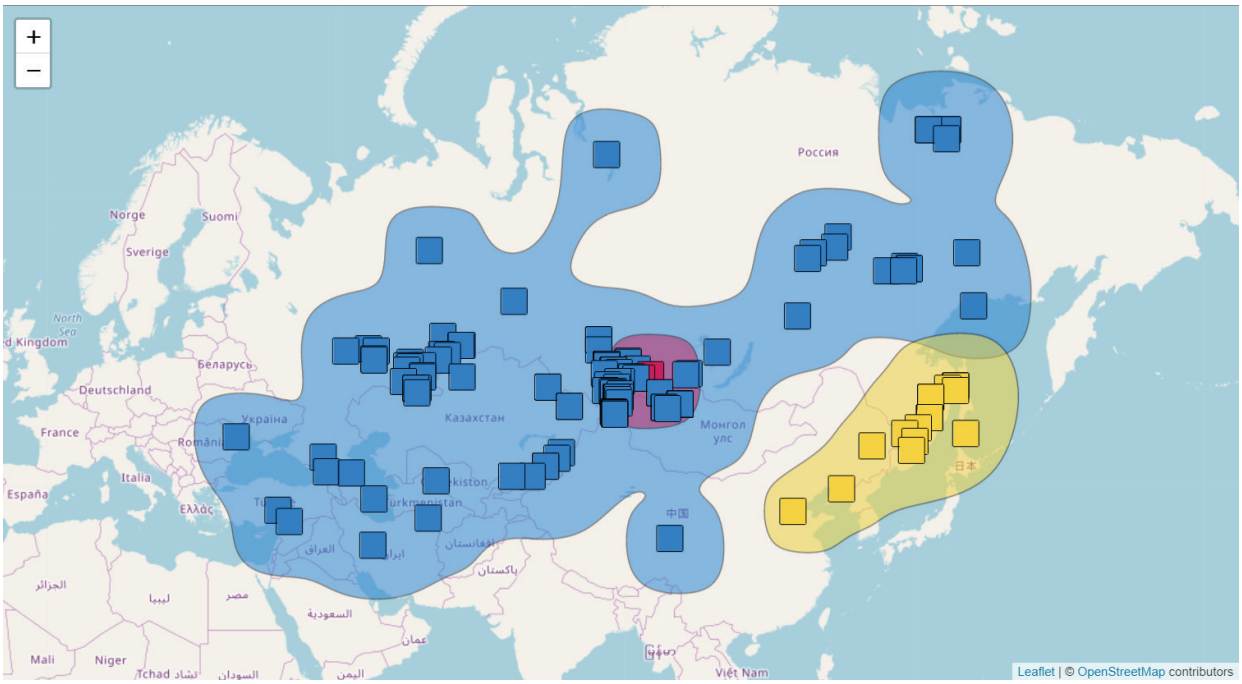
Маньчжурская полисемия ‘солнце, день’ обособленно располагается в Северо-Восточном Китае и на Дальнем Востоке. Область тюркской полисемии ‘солнце, день’ простирается от Румынии на западе до Якутии на Северо-Востоке и охватывает большую часть территории распространения тюркских языков. Самодийский ареал (красный цвет) показывает синхронную полисемию ‘солнце, день’, поэтому нганасанский и энецкий языки на ней не отображены. Этот ареал включает в себя тундровый и лесной ненецкие и селькупский языки и охватывает Ненецкий АО в Архангельской области, Ямало-Ненецкий АО, Томскую область и запад Красноярского края до р. Енисей.

Ареалы самодийской и тюркской полисемии пересекаются в зоне контактов носителей рассматриваемых языков — на севере Западной Сибири в Ямало-Ненецком АО (тундровый ненецкий и долганский). Ареалы примыкают, но не пересекаются в пределах Томской области и республики Хакасия, отделенные друг от друга Кемеровской областью, что видно при увеличенном масштабе карты (достоверный ареал обозначен населенными пунктами-квадратами, а не автоматически произведенной заливкой вокруг них).

Рассмотрим второй самодийский корень с полисемией ‘солнце, день’, явившейся результатом развития праязыкового значения ‘солнце’.

2. ПС ***kåjå* ‘солнце’** (эн., нен., камас., матор., тайг.) [Janhunen 1977: 58] > **тайг.** *хая*, **матор.** *chaja* ‘солнце, день’ [Helimski 1997: 260—261]. Маторский и тайгийский — это самодийские языки Саянского нагорья, вымершие или вытесненные тюркскими языками еще в XIX в. и известные по архивным записям. Отмеченная область их распространения — это село Моторское в Каратузском районе Красноярского края для маторского языка [Helimski 1997: 16] и территория в Шушенском районе Красноярского края для тайгийского [Клапрот тайг.].

Как видно на карте, компактный ареал маторского и тайгийского языков поглощен обширным тюркским ареалом. Кроме того, он соседствует с описанным выше ареалом прасамодийской полисемии ‘солнце, день’ в селькупских говорах. Можно предположить изменение значения **kåjå* ‘солнце’ под влиянием полисемии ‘солнце, день’ в контактных языках.



Семантический переход ‘солнце’ > ‘день’

Ландшафт: земля

В статье [Dybo 2013] рассмотрена ландшафтная лексика в праиндоевропейском и праалтайском лексиконах. Выделяются три основные семы, которые могут совмещаться в одном слове или быть противопоставленными: ‘земля как место’, ‘земля как почва’, ‘плохая земля’.

В праиндоевропейском прослеживается полисемия ‘земля как место’ — ‘земля как почва’ и реконструируется, предположительно, одна лексема, относящаяся к значению ‘плохая земля’ (**māk*(’) ‘песчаная почва, болотистая местность’). В праалтайском другое распределение значений: с одной стороны, ‘земля как место’ и, с другой стороны, ‘земля как почва’ — ‘плохая земля’ [Dybo 2013: 72—73].

В пратюркском противопоставлены два значения — локализационное (‘земля-территория’) и вещественное ‘земля-почва’ [Дыбо 2013: 226—227]. «Очевидно, два выделенных нами выше предположительно “Сводешевских” значения выражались в пратюркском отдельными словами, это ПТ **jęr* ‘земля, поверхность земли, место’ ⟨…⟩ и ПТ **topra-k* ‘земля, почва’ ⟨…⟩. Их внешние параллели дают сходный разброс значений» [там же: 233].

В прасамодийском языке восстанавливаются три корня с семантическим компонентом ‘земля’. Рассмотрим более детально их семантику.

1. Ландшафтные характеристики **mâjå* ‘земля, местность’: **нган.** *mou*, *məu* ‘земля’, **сельк.** *mači* ‘лес, тундра’, **камас.** *mija*, *mə̨i̯ɛ* ‘гора’, койб. *muija*, *мыя* ‘гора’, **матор.** *biä*, *бія* ‘гора’, аб. *biä* ‘гора’, тайг. *біе* ‘гора’, карагас. *biä*, *біе* ‘гора’ [Janhunen 1977: 85]. В нганасанском эта лексема является основным обозначением земли как места: **нган.** *моу* ‘земля; страна, край’ [Костеркина и др. 2001: 98], *мəу* ‘земля; трава, травяной покров; страна, местность’ [Хелимский Нганасанский словарь], а рефлекс ПС **jåâ* претерпел семантическое изменение (см. ниже). Преобладает значение ‘гора’ — в камасинском и языках Саянского нагорья, ‘лес, тундра’ отмечено в селькупском. Отсутствуют вещественные значения ‘почва’, ‘глина’, ‘песок’. Возможно, прасамодийское значение здесь именно ‘местность’.

2. **tʲâpâ* ‘грязь, земля, почва различных типов’ (широкое значение?): **эн.** *tóbo* ‘глина’, *tobŏ* ‘песок’, юрацк. *máва* ‘глина’, **нен. Т.** *таб*, *tąB̀*‘песок’, ‘черный мелкозернистый грунт’, **нен. Л.** *tap̀* ‘ил, сор, грязь’, *tap̀ jĕä* ‘голая земля’, **матор.** *tā* ‘пепел’, карагас. *maha* ‘грязь’ [Janhunen 1977: 148], **нен.** *табъ* ‘песок’, *са́едъ табъ* ‘глина (мелкий песок)’ [Дунин-Горкавич], *тапъ* ‘глина’ [Клапрот нен. пустозер.], *tábe* ‘глина’ [Клапрот нен. обдор.], *taua* ‘глина’ [Клапрот нен. юрак.], **нен. Л.** *тап* ‘слякоть’ [Бармич, Вэлло 2002: 125], **эн.** тундр. *tóbodo d’aa* ‘глинистая земля’ [Хелимский Энецкий словарь]. В этой лексеме совмещаются значения ‘земля как почва’ и ‘плохая земля’.

3. Рефлексы **jåâ* ‘земля, место’ [Janhunen 1977: 36—37] в большинстве самодийских языков являются основным обозначением земли. Однако, вероятно, вещественное значение ‘почва, виды почвы’ тоже было заложено в праязыковой семантике, и можно предположить в этом случае праязыковой синкретизм ‘земля-место’ ~ ‘земля-почва’: **нган.** *jua* ‘песок, пепел’, *d’ō* ‘порох, песок’, [Janhunen 1977: 36], *дюо* ‘песок, порох’ [Костеркина и др. 2001: 50], *d́üə* ‘песок, порох’ [Хелимский Нганасанский словарь], *d'üo* ‘песок’ [Словарь вадеевского диалекта], *d'üo* ‘песок, порох’ [Словарь усть-авамского диалекта 2014], *d'üo* ‘песок’ [Словарь усть-авамского диалекта 1970-е], *djua* ‘песок’ [Клапрот тавг.], **эн.** *дья* ‘земля; песок, глина’ [Janhunen 1977: 36], лесн. *дя* ‘Земля (планета); сторона, страна; земля (почва); место, местность’ [Сорокина, Болина 2009: 126], *ja* ‘глина’ [Клапрот эн. турухан.], тундр. *d́aa* ‘земля’ [Хелимский Энецкий словарь], *dja* ‘песок’ [Клапрот эн. мангаз.], **нен. Т.** *я* ‘земля, суша, материк; земля, почва; место, местность, территория; страна’ [Терещенко 1965: 819—820], **нен. Л.** *дя* ‘земля (планета); берег (со стороны воды); почва, земля (рыхлое вещество); место, местность, территория; страна, государство; вселенная, космос’ [Бармич, Вэлло 2002: 33], **сельк.** таз. *си* ‘глина; почва’ [Хелимский 2007: 41], об. С, Ш *тӱ* ‘земля, глина’ [Быконя и др. 2001: 244], об. С, Ш, кет., вас. *тю* ‘земля, грязь, глина’ [там же: 252], об. Ч *чу*, *чют*, тым. *чӱ*, об. Ш, Ч, кет., вас., тым. *чю* ‘земля, глина, страна’ [там же: 287—291], нар. *tɕ'u* ‘земля, глина’ [Сл. нарым. диал. сельк. яз.], кет. *tʃʲu* ‘песок на реке’ [Арбалдаев], **камас.** *ḍu*, *ḍū* ‘земля, страна, почва, вид почвы, глина, глинистый грунт’, *sāɣ̣ȧr dụ* ‘чернозем’ [Kamassisches Wörterbuch: 16].

Наряду с ‘земля, место’ во всех языках присутствует значение ‘почва’ или ‘конкретные виды почвы’ — ‘глина’, ‘песок’. В нганасанском сохранились только рефлексы ‘песок’, ‘порох’, в то время как значение ‘земля; страна, край’ закрепилось за лексемой *моу* [Костеркина и др. 2001: 98] < **mâjå.*

Уточнения к семантической реконструкции трех прасамодийских лексем представлены в виде таблицы.

Мы рассмотрим ареалы распространения полисемии ‘земля-место’ ~ ‘земля-почва’ в самодийских и тюркских языках, а также семантические переходы, ‘земля, почва’ > ‘глина’, ‘земля, почва’ > ‘песок’ и ‘земля, грязь’ > ‘пепел’. В этих соотношениях участвуют прасамодийские корни **jåâ* и **tʲâpâ*.

	Нган.	Эн. Т	Эн. Л	Нен. Т	Нен. Л	Сельк.	Камас., койб.	Матор., тайг., карагас.
**mâjå*	земля, место; трава, травяной покров	—	—	—	—	лес, тундра	гора	гора
**tʹâpâ*	—	глина, песок	—	песок, глина	ил, грязь, слякоть, голая (о земле)	—	—	пепел, грязь
**jåâ*	песок, пепел, порох	земля; песок, глина	земля, местность; песок, глина	земля, местность; суша; почва	земля, местность; берег; почва	земля, глина, грязь, страна	местность, земля, состав почвы, глина, глинистый грунт	—

Земля (место), почва:
прасамодийский синкретизм и синхронная полисемия в тюркских[4]

В самодийских языках праязыковой синкретизм (земля как ‘место’ и как ‘почва’) сохраняют следующие рефлексы ПС **jåâ* ‘земля, место, почва’: **эн.** *дья* ‘земля; песок, глина’ [Janhunen 1977: 36], лесн. *дя* ‘земля (планета); сторона, страна; земля (почва); место, местность’ [Сорокина, Болина 2009: 126], **нен. Т.** *я* ‘земля, суша, материк; земля, почва; место, местность, территория; страна’ [Терещенко 1965: 819—820], **нен. Л.** *дя* ‘земля (планета); берег (со стороны воды); почва, земля (рыхлое вещество); место, местность, территория; страна, государство; вселенная, космос’ [Бармич, Вэлло 2002: 33], **камас.** *ḍu*, *ḍū* ‘местность, земля, состав почвы, глина, глинистый грунт’, *sāγâr dụ* ‘чернозем’ [Kamassisches Wörterbuch: 16] (красный цвет на карте).

Пратюркская лексема **jẹr* ‘земля, поверхность земли, место’, выступающая основным локализационным обозначением земли, демонстрирует также значение ‘почва’ в следующих современных языках: чуваш. *śər*, як. *sir*, хакас. *čir*, нуйг. *jär*, кбалк. *ǯer*, кирг. *ǯer*, теленг. *šer'*, тубалар. *d'er*, челкан. *čer*, куманд. *čer* [Дыбо 2013: 227—229], башк. *ер* (от информанта).[5]

Необходима дальнейшая проверка употреблений рефлекса ПТ **jẹr* во всех тюркских языках, чтобы выяснить возможность возведения семы ‘почва’ на пратюркский уровень, особенно учитывая присутствие этого синкретизма в двух самых отдаленных ветвях — чувашском и якутском языках. Пока мы придерживаемся реконструкции значения, принятой в работе [Дыбо 2013]: ПТ **jẹr* ‘земля, поверхность земли, место’.

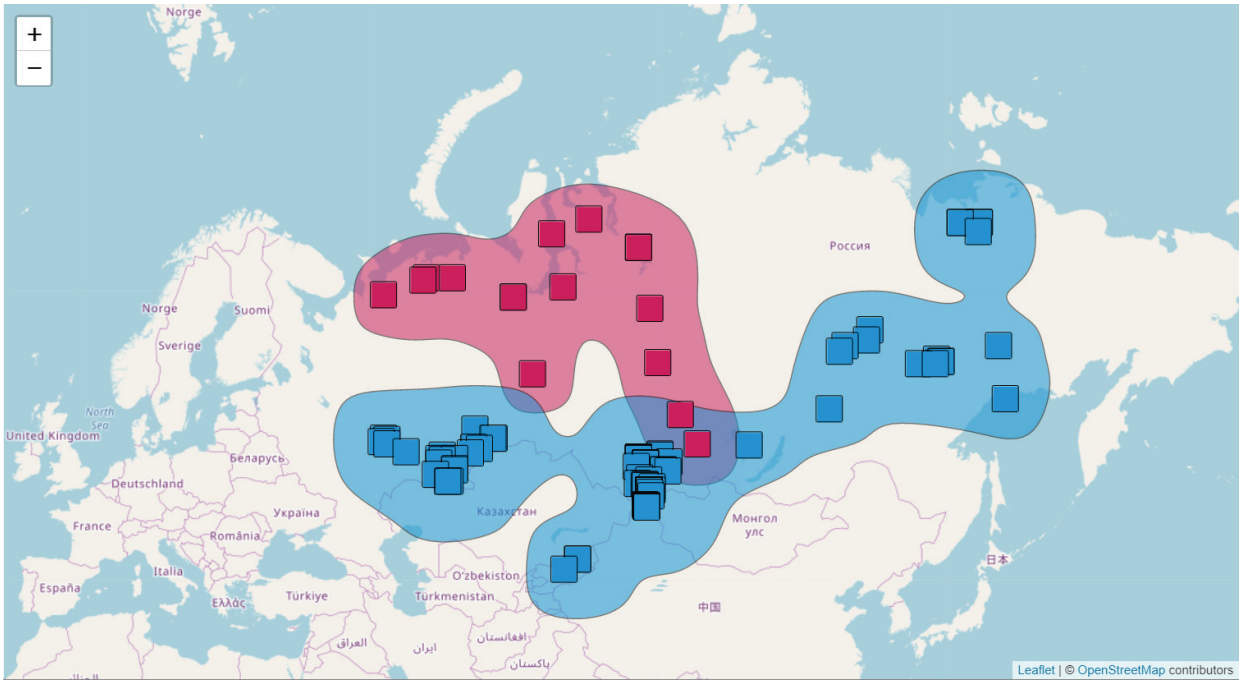
Значение ‘плохая земля’, реконструируемое в ПТ **bōr* ‘мел, плохая земля, глина’ преобразовалось в якутском *buor* ‘земля, почва, пыль’ [Дыбо 2013: 231], что скорее говорит о подзначениях ‘земля как почва’, а не о рассматриваемой полисемии. В полученных от информанта контекстах *buor* используется только в «вещественном» значении: *Он рыл яму и выбрасывал наружу землю — Кини дьаама хаһара уонна* ***буорун*** *таһыгар тамныыра.* (В значении ‘место’ и ‘территория’ используются другие слова: *Поставь ящик на землю — Дьааһыгы* ***сиргэ*** *уур*; *Я люблю свою родную землю — Мин төрөөбүт* ***дойдубун*** *таптыыбын*.)

Ареал самодийской полисемии охватывает север Европы и Западной Сибири, тянется в Красноярский край по течению Енисея. Белое пятно просматривается на месте селькупских диалектов, где наблюдается переход ‘земля’ > ‘глина’ (см. соответствующую карту). Ареал тюркской полисемии занимает обширную территорию от севера Восточной Сибири в Якутии до Поволжья и примыкает к самодийскому на юге Красноярского края и Кемеровской области.

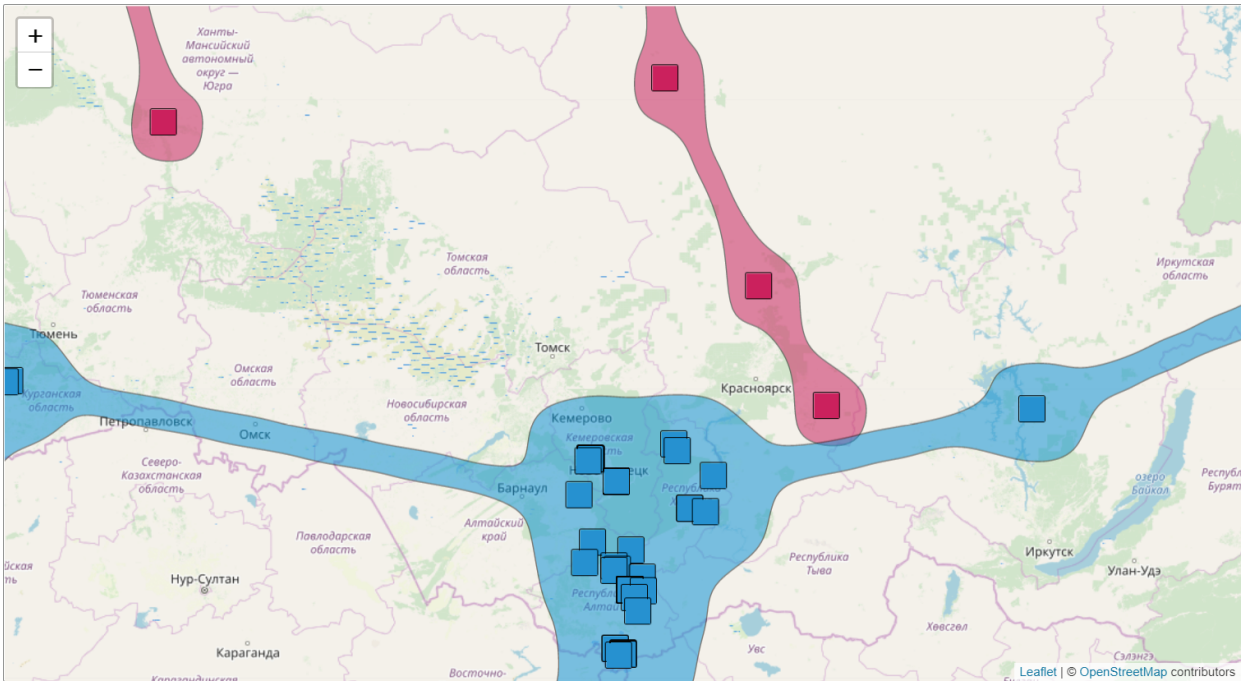
---

[4] Синкретизм понимается в смысле «неразличение» [Зализняк 2004: 30]: «в таких случаях слово имеет одно значение, но просто это значение — более высокого уровня, на котором признак, различающий значения более низкого уровня, не релевантен».

[5] Башк. *ер* может употребляться во всех трех диагностических контекстах: ‘почва’ *Он рыл яму и выбрасывал наружу землю — Ул сокор ҡаҙҙы*, ***тупраҡты (ерҙе)*** *тышка ташланы* (рефлекс **jẹr*, похоже, является в этом контексте дополнительным вариантом); ‘место’ *Поставь ящик на землю — Йәшникте* ***ергә*** *ҡуй*; ‘территория’ *Я люблю свою родную землю — Мин тыуған* ***еремде*** *яратамды*.



‘земля-место’, ‘земля-почва’



На карту не нанесены, но заслуживают отдельного упоминания случаи появления значения ‘территория’ у рефлексов ПТ **topra-k* ‘земля (почва)’. С одной стороны, это тексты официального стиля, возможно переводные: **кирг.** *Кыргызстан Республикасы топурагында* «на территории Кыргызской республики» [Дыбо 2013: 229—230], **тат.** *Татарстан тупрагында* — на территории Татарстана [Письм. корпус тат. яз.]. С другой стороны, рефлексы **topra-k* встречаются в значении ‘родная земля’: название башкирской песни «Туган тупрак тарта» («Притягивает родная земля») [Башкирский поэтический корпус], тур. (от информанта): *Я люблю свою родную землю — Toprağımı seviyorum*.

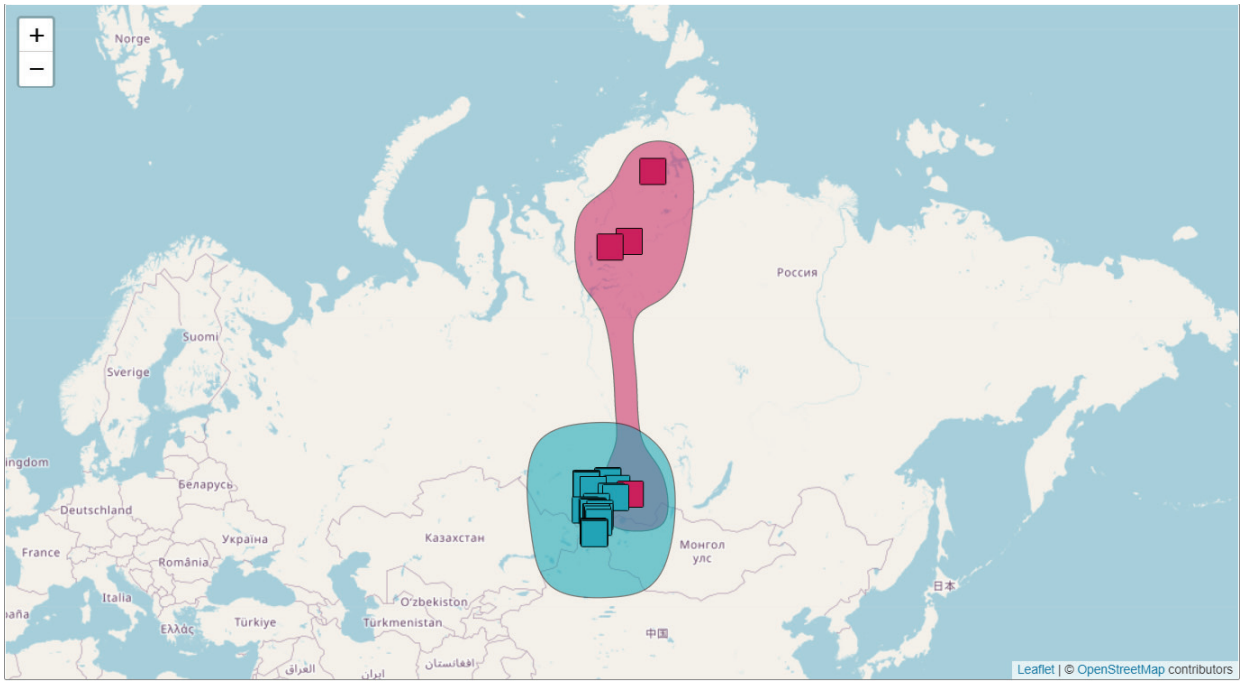
Земля, почва > пепел:
развитие значения в самодийских языках, похожая полисемия в тюркских

Основная лексема со значением ‘зола, пепел’ в самодийских языках — ПС **kimä* ‘Asche’ [Janhunen 1977: 70]. На периферии самодийского ареала наблюдается семантический переход ‘земля’ > ‘пепел’, ‘порох’ в двух праязыковых лексемах: ПС **tʲə̂pə̂* ‘грязь, почва различных типов’ [Janhunen 1977: 148] > **матор.** *mā* ‘пепел’ [Helimski 1997: 348] и ПС **jaə̂* ‘земля, место’ > **нган.** *jua* ‘песок, пепел’, *dʒ̄* ‘порох, песок’ [Janhunen 1977: 36], *дюо* ‘песок, порох’ [Костеркина и др. 2001: 50], *d́üə* ‘песок, порох’ [Хелимский Нганасанский словарь].

Необходимо отдельно прокомментировать привлечение маторского слова: в словаре оно объединяется в одну словарную статью *taha* ‘Schmutz, Asche’ с карагас. *taha* ‘грязь’ [Helimski 1997: 348]. Не имея возражений против объединения этих слов и значений в рамках единого маторо-тайгийско-карагасского языка, мы все-таки отметим на карте только маторскую лексему с интересующим нас значением, подобно тому как из всех диалектов селькупского языка в данной статье на карту наносятся только те, в которых есть фиксация рассматриваемой полисемии или семантического перехода. Такой подход позволяет исключить экстраполяцию со стороны автора, но, безусловно, не отражает во всей полноте реальное функционирование и распространение слов.

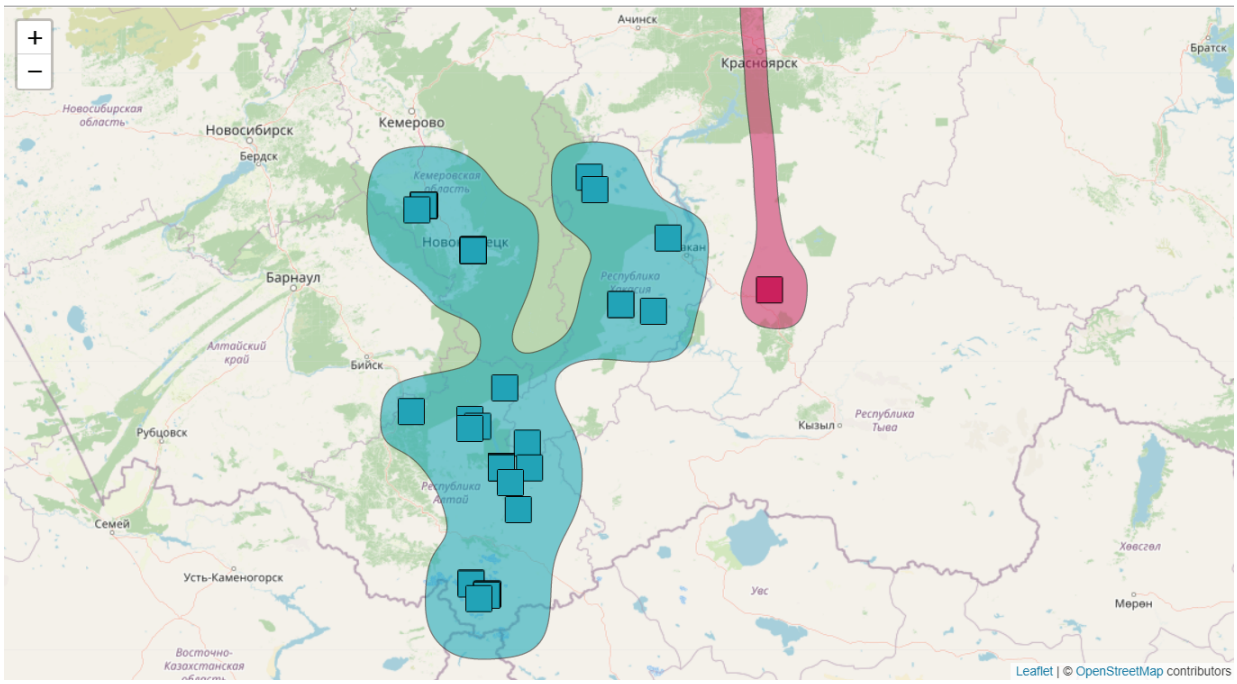
В тюркских языках не обнаруживается идентичный переход ‘земля’ > ‘пепел’, но есть похожая полисемия ‘пыль, грязь, пепел’. У пратюркского **Kōk* фиксируются следующие значения в языках-потомках **‘пыль’** (др.-уйг., крх.-уйг., казах.), **‘грязь’** (як., тув., ног., кирг.), **‘пепел’** (хакас., пилтир., алт., телеут., тубалар.) [Дыбо 2013: 77], теленг. *qoχ* ‘пепел’ [Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Балыкча, П. П. Андадикова)], *кок* ‘пепел’ [Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, Б. Г. Дадыянова)], челкан. *кок* ‘пепел’ (от информанта)[6].

На карту нанесены только языки, в которых этот корень имеет значение ‘пепел’.



Нганасанский с одной стороны и маторский язык с другой стороны (красный цвет на карте) образуют два не связанных друг с другом ареала: один на севере Сибири, в низовьях Енисея, и полуострове Таймыр, другой в Южной Сибири — Каратузский район на юге Красноярского края. Тюркский ареал, наоборот, компактно расположен в Южной Сибири, в республике Хакасия и Алтайском крае. Маторский и тюркский ареалы примыкают друг к другу, но не пересекаются; для маторского ожидалось бы пересечение с тувинским ареалом, но тув. *хоq* имеет значение ‘сор, мусор’ [Дыбо 2013: 77].

[6] *На месте костра остался пепел — Оттыҥ орында кокла арткан.*



‘земля’ > ‘пепел’

Примечание: Нельзя исключить также, что к ПС корню **jaə̂* относятся нен. Л. *дя* II ‘мука́’, нен. Т. *я* II ‘мука́’ [Терещенко 1965: 820]. Семантическая параллель ‘пыль’ > ‘мука’ наблюдается в диалектах русского языка: рус. *пыл* — брян. ‘пыль’, смол. ‘мука’, ‘пепел’, калуж. *пы́лка* ‘мука, размолотые хлебные зерна’ [СРНГ 33: 189—190]. Вероятно, ненецкие лексемы являются семантическими кальками с русских диалектных слов, так как хлеб и мука стали известны ненцам с приходом русских [Народы Сибири: 622], но возможно и независимое развитие. В энецком языке значение ‘мука’ возникает в результате сложения слов, являющихся рефлексами ПС **jaə̂* и ПС **ə̂msa* ‘еда, мясо’ [Janhunen 1977: 15]: **эн.** тундр. *d́aud́a* ‘мука’ [Хелимский Энецкий словарь], лесн. *дяса* ‘мука’ [Сорокина, Болина 2009: 138].

Семантическим основанием для перехода ‘земля’ > ‘пепел’ является сухое состояние земли (пыль), соответствующее наименование переносится и на другие сыпучие вещества. Возможно также, что перед нами проявление широкого значения ‘сыпучее вещество’, производного от ‘земля’, и в таком случае в этом семантическом переходе в один ряд можно поставить ‘пепел’, ‘порох’, ‘мука’, ‘песок’. Однако, как видно из следующей карты, значение ‘песок’ занимает намного большую территорию, и этот контраст показывает, что развитие значения ‘земля’ > ‘пепел’, ‘порох’ занимает узкие ареалы, поэтому представляется целесообразным нанести эти переходы на отдельные карты.

Земля, почва > песок:
синхронная полисемия в долганском языке, семантический переход в самодийских

«Наши изыскания по объемам рефлексной многозначности в ландшафтной лексике показывают, что в принципе могут различаться “песок” как тип плохой, неплодородной почвы (рефлексная многозначность — “болото”, “солончак”, “глина” и под.) и “песок” как тип почвы на берегу водоема (рефлексная многозначность: “галька”, “мель” и под.)» [Дыбо 2013: 449]. Сейчас мы остановимся на упомянутом значении ‘песок как вид неплодородной почвы’: хотя для языков Северной Сибири может быть неактуальной оппозиция ‘плодородная’ vs. ‘неплодородная почва’, в данном случае важно, что имеется в виду некая разновидность грунта, а не ландшафтные характеристики.

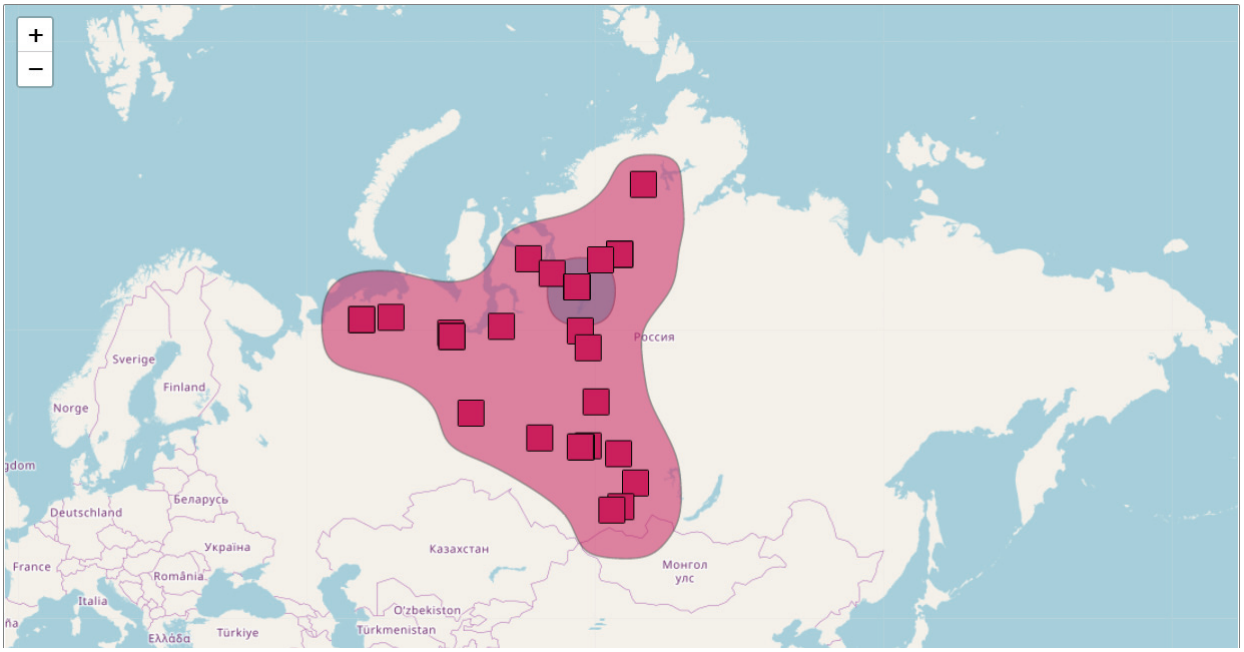
В **долганском** языке наблюдается синхронная полисемия, связанная с изменением праязыкового значения ‘плохая земля’: ПТ **bōr* ‘мел, плохая земля, глина’ > долган. *buor* ‘земля, глина, песок’ [Дыбо 2013: 231].

Аналогичный случай, похоже, представлен в энецком и ненецком языках: ПС **tʹə̂pə̂* ‘грязь, земля, почва различных типов’ > **эн.** *tobŏ* ‘песок’, **нен. Т.** *таб*, *tąB̥̀* ‘песок’ [Janhunen 1977: 148], /təb°/ [təb], [təpʰ], [təφʰ] ‘песок; песчаный’ [Словарь гыданского диалекта тундрового ненецкого языка], **эн.** лесн. *tɔb(u)* ‘песок’ [Словарь лесного диалекта энецкого языка], *тоб* ‘песок; песчаный’ [Сорокина, Болина 2009: 440], тундр. *tobo* ‘песок, почва, глина’ [Хелимский Энецкий словарь].

В нганасанском, энецком и кетском диалекте селькупского языка переход ‘земля’ > ‘песок’ отмечен у другого корня: ПС **jåâ* ‘земля, место’ > **нган.** *jua* ‘песок, пепел’, *ďō* ‘порох, песок’, [Janhunen 1977: 36], *дюо* ‘песок, порох’ [Костеркина и др. 2001: 50], *d́üə* ‘песок, порох’ [Хелимский Нганасанский словарь], *d'üo* ‘песок’ [Словарь вадеевского диалекта], *d'üo* ‘песок, порох’ [Словарь усть-авамского диалекта 2014], *d'üo* ‘песок’ [Словарь усть-авамского диалекта 1970-е], *djua* ‘песок’ [Клапрот тавг.], **эн.** *дья* ‘земля; песок, глина’ [Janhunen 1977: 36], эн. тундр. *dja* ‘песок’ [Клапрот эн. мангаз.], **сельк.** кет. *ʧʲu* ‘песок на реке’ [Арбалдаев].

В самодийских языках есть и другое слово для обозначения песка — **jåârå* ‘песок, песчаный берег’ [Janhunen 1977: 37] (это слово объединяет значения ‘песок как тип плохой почвы’ и ‘тип берега’). На прасамодийском уровне оно является суффиксальным производным от корня **jåâ* ‘земля, место’, таким образом, с помощью морфологической деривации значение ‘песок’ образовано от ‘земля’. В словаре Ю. Янхунена к **jåârå* возводятся следующие лексемы: **нган.** *jouru* ‘ochre’, **эн.** *jâra* ‘песок, пепел’, **нен. Т.** *яра* ‘песчаный’, *jąřŕp̣* ‘высокое песчаное место’, **нен. Л.** *ḍ´ĕàл´л´p̣* ‘песок’, **сельк.** *čuri̯*, тым. *t´ū̯r̂ᶜ* (значение в словаре не указано), **камас.** *d'u̯rp̣* ‘мелкие камешки на берегу озера, реки’, **матор.** *джяра* ‘коса на реке’.

Интересующее нас значение ‘песок’ зафиксировано в энецком, ненецком и селькупском языках, в то время как в камасинском и маторском просматривается значение ‘песчаный берег’, которое будет рассмотрено в следующей карте. К указанным рефлексам праформы **jåârå* можно добавить данные из других словарей: **эн.** тундр. *d´aara* ‘песок’ [Хелимский Энецкий словарь], **эн.** лесн. *jáiri* ‘песок’ [Клапрот эн. турухан.], *дярэй* прил. ‘сухой, песчаный’ [Сорокина, Болина 2009: 137], **сельк.** кет. *ʧʲuri* ‘песок на реке’ [Будянская, Казакевич], **сельк.** карасинск. *tschúr* [Клапрот сельк. карасин.], **камас.** *pfurjà* ‘песок’ [Клапрот камас.], **тайг.** *húra* ‘песок’ [Клапрот тайг.].



‘земля’ > ‘песок’

Переход ‘земля’ > ‘песок’ обнаруживается на всей территории распространения самодийских языков, от арктической Европы и Таймыра на севере до Саянского нагорья на юге. Долганский язык отображается в одной точке на карте в г. Дудинка на Енисее, где проживают и энцы. В долганском языке, возможно, такое изменение значения произошло под влиянием контактных самодийских или обусловлено экстралингвистическими географическими факторами.

Обозначенный на карте ареал охватывает очень большую разнородную территорию с разными видами почв: тундровые глеевые, напоминающие песок, на Таймыре и в арктической зоне Ямало-Ненецкого автономного округа, южнее подзолистые почвы, состоящие в основном из песка, и частично горная территория. Возраст почв в этом регионе до 9000 лет, а значит, изменений почв не происходило за все время пребывания на этой территории носителей рассматриваемых языков и реконструируемых праязыков. Центральная часть ареала располагается на территории подзолистых почв, в связи с чем изменение значения ‘земля’ > ‘песок’ представляется логичным.

Земля, почва > глина: ***полисемия в долганском, сохранение значения ‘глина’ в тувинском и хакасском; развитие значения в киргизском, крымско-татарском и самодийских языках***

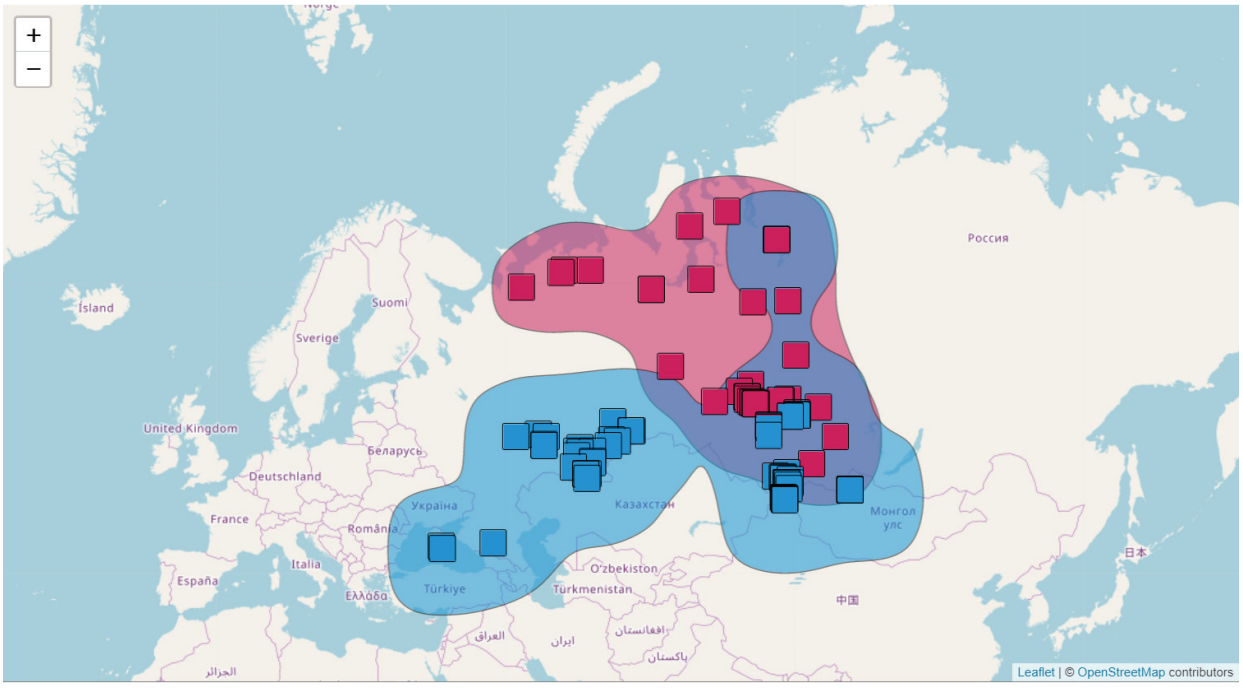
В самодийских языках семантический переход ‘земля’ > ‘глина’ наблюдается в двух корнях.

1. ПС **jåə̂* ‘земля, место, почва’ [Janhunen 1977: 36—37] > ‘глина’: **эн.** тундр. *dja* ‘глина’ [Клапрот эн. мангаз.], лесн. *ja* ‘глина’ [Клапрот эн. турухан.], **камас.** *ḍu*, *ḍū* ‘страна, земля, почва, вид почвы, глина, глинистый грунт’ [Kamassisches Wörterbuch: 16], **тайг.** *джа* ‘земля, глина’ [Janhunen 1977: 37], *dcsha* ‘глина’ [Клапрот тайг.], **сельк.** таз. *си* ‘почва, глина’ [Хелимский 2007: 41], об. С, Ш *тӱ* ‘земля, глина’ [Быконя и др. 2001: 244], об. С, Ш, кет., вас. *тю* ‘земля, грязь, глина’ [Быконя и др. 2001: 252], об. Ч *чу*, *чют*, тым. *чӱ*, об. Ш, Ч, кет., вас., тым. *чю* ‘земля, глина, страна’ [Быконя и др. 2001: 287—291], томск. *tjuu* ‘земля, глина’ [Клапрот сельк. томск.], нар. *tɕ'u* ‘земля, глина’ [Сл. нарым. диал. сельк. яз.], об. *т'у:*, *т'у:ла* ‘глина’, *ˈсве:й т'у:* ‘глина, которой можно печки мазать (черная, илистая глина)’ — «эта земля, когда высохнет, становится твердая, крепкая, ссохшаяся» [Сл. тогур. гов. сельк. яз.].

2. ПС **tʲə̂pə̂* ‘грязь, земля, почва различных типов’ (широкое значение?) > ‘глина’: **эн.** *tóbo* ‘глина’, юрацк. *тáва* ‘глина’ [Janhunen 1977: 148], эн. тундр. *tobo* ‘песок, почва, глина’ [Хелимский Энецкий словарь], **нен.** *сáедъ табъ* ‘глина (мелкий песок)’ при *табъ* ‘песок’ [Дунин-Горкавич], *тапъ* ‘глина’ [Клапрот нен. пустозер.], *tábe* ‘глина’ [Клапрот нен. обдор.], *taua* ‘глина’ [Клапрот нен. юрак.], ямал. *тăб* ‘глина’ (от информанта)[7].

Привлекает внимание лексическое заимствование из тюркских языков в камасинском: *balgàsch* ‘глина’ [Клапрот камас.], *båʌ̀γåš*, *βåʌ̀γåš* ‘грязь, ил, нечистоты’ [Kamassisches Wörterbuch: 7]. Эта лексема восходит к ПТ **bạl-čïk*, *-gač* ‘грязь, глина’: теленг., челкан. *balγaš́*, тубалар. *balgač* ‘земля, почва’, чуваш. *pɨlʒ̆ьk*, як. *bɨl̄ɨk* ‘ил, полужидкая грязь’, тув. *balγaš*, *malγaš*, тоф. *bálxaš*, хакас. *palγas*, *palčax* ‘жидкая грязь’, чулым. *pelγeć* ‘засохшая грязь’, крх.-уйг. *balčɨq*, *bal(i)q*, чагат. *balčɨq*, *palčɨq*, узб. *bɛlčɨq*, нуйг. *balčuq*, халадж. *palčoq* (< аз.), тур. *balčɨk*, аз. *palčɨG*, туркм. *palčɨq*, сал. *palčɨx*, кар. *balčɨq*, кумык. *balčɨq*, тат. *balčɨq*, башк. *balsɨq*, ног. *balšɨq*, *balgaš*, алт. *balqaš* [Дыбо 2013: 231—232].

На синхронном уровне **bạl-čïk*, *-gač* имеет полисемию ‘земля, глина’ в ногайском, татарском, башкирском, алтайском, теленгитском, челканском и тубаларском [ЭСТЯ 2003: 109—110], а также чулымском, ср. *palʁáɛ* ‘земля, глина’ [Среднечулымский язык]. Значение ‘земля’ зафиксировано в башк. *балсык* [Говор д. Итеево (Носитель — Василя Нуриханова Габделхакова, 1930 г.р. Илишевский район, Башкортостан)], сиб.-тат. *балчык* ‘земля (soil)’ [Эуштинский диалект сибирско-татарского языка], шор. *палгаж* (от информанта)[8].



‘земля’ — ‘глина’

[7] *Эта посуда из глины — Тюку тăбхăд сертавы хыдя.*

[8] *Он рыл яму и выбрасывал наружу землю — Ол ораны казып, палгажын ташынга таштаган.*

Из рефлексов **bạl-čïk*, *-gač* на карту нанесены только те, где есть сема ‘земля’ в составе полисемии или как единственное. В связи с этим представляет интерес появление значения ‘глина’ в других тюркских корнях с первичным значением ‘земля/почва’ (обратное направление развития значения): кирг. *topurak*/*топурак* ‘глина, земля; почва’, тув. кунгуртуг. *to(v)uraq*^{h} ‘глина’ [Кунгуртуг — quasisymphonia] < ПТ **topra-k* ‘земля, почва’ [Дыбо 2013: 230—231], в крым.-тат. *топрахъ* ‘глина’ [Крымско-татарско-русский словарь 1902], в долганском языке наблюдается сохранение праязыковой полисемии: долган. *buor* ‘земля, глина, песок’ < ПТ **bōr* ‘мел, плохая земля, глина’ (также ‘глина’ в тув. *por*, хакас. *por*). В этом втором случае на карту нанесены те слова, в которых присутствует значение ‘глина’ в составе полисемии или отдельно.

Ареал самодийских языков, где наблюдается семантический переход ‘земля’ > ‘глина’ (красный цвет) охватывает север Европы, Западную и Южную Сибирь. Тюркские языки с совмещением значений ‘земля, глина’ или семантическим переходом ‘земля’ — ‘глина’ (синий цвет) группируются в два основных ареала — Европейская часть России (татарский и башкирский языки) и юг Западной Сибири — Томская, Кемеровская область, Красноярск, Хакасия, Алтайский край.

Наблюдается два пересечения самодийского и тюркского ареалов: 1) в Томской области на границе с Кемеровской областью (селькупский и сибирско-татарский язык), с Красноярским краем (селькупский и чулымский), 2) ненецкий и долганский язык на Енисее (Таймырский долгано-ненецкий район).

Самодийский ареал практически совпадает в границах с рассмотренным выше ареалом семантического перехода ‘земля’ > ‘песок’, за исключением нганасанского языка на полуострове Таймыр. Два тюркских ареала в Южной Сибири и Европейской части России располагаются на территории серых лесных почв и черноземов, их возраст от 9000 до 12000 лет, поэтому в обозримой истории значительных изменений в составе почв на этих территориях не предполагается. Именно для тюркских языков, вероятно, семантический переход и полисемия ‘земля’ > ‘глина’ обусловлен экстралингвистическими факторами, реальным качеством почвы (чернозем образуется на суглинках), а для самодийских можно предположить изменение значения, обусловленное контактами с тюрками, или синкретизм ‘земля, глина, песок’. Стоит отметить, что рефлексы ПС **jåə̂* ‘земля, место, почва’, развившие значение ‘глина’, встречаются в селькупском, камасинском и тайгийском языках, плотно контактировавших с тюркскими языками, а из северных самодийских только в энецком; второй же прасамодийский корень **tʲə̂pə̂* ‘грязь, земля, почва различных типов’ представляет синкретизм значений, и его рефлексы со значением ‘глина’ в ненецком и энецком, возможно, являются актуализацией более широкого значения.

Песок > галька: *семантический переход в камасинском языке, рефлексная полисемия в тюркских языках, праязыковая полисемия в севернотунгусских*

Реконструкция значения прасамодийской лексемы **jåə̂rå* ‘песок, песчаный берег’ [Janhunen 1977: 37] проводится на основании семантики рефлексов в нганасанском, энецком, ненецком и селькупском языках. Только в исчезнувшем в XX в. камасинском языке у рефлекса *d'u̯rp̥* этой праформы засвидетельствовано значение ‘мелкие камешки на берегу озера, реки’ [Kamassisches Wörterbuch: 16], то есть можно говорить о семантическом переходе ‘песок’ > ‘галька’. Подобные переходы или полисемия наблюдаются в тюркских и севернотунгусских языках.

Эти слова входят в семантическое поле ландшафта, относятся к лексике, описывающей берега и русла рек. Как выяснилось в ходе исследования, в этой области значений направление семантического перехода может быть в обе стороны: ‘песок’ > ‘галька’ и ‘галька’ > ‘песок’.

В тюркских языках можно предположить направление перехода ‘галька’ > ‘песок’.

В пратюркском языке реконструируется лексема, обозначающая преимущественно каменистое русло реки: ПТ **saj-iř* ‘каменистая пустыня, каменистое русло реки’, ‘мелкое место, мелкий’. Значение ‘галька’ имеют рефлексы этой лексемы **хакас.** *saj* ‘галька, мель’, **шор.** *saj* ‘галька’, **алт.** *saj* ‘галька, мель’, а значение ‘песок’ — рефлексы **чулым.** *saj* и **теленг.** *saj* [Дыбо 2013: 450]. К этой же праформе, вероятно, восходит **тув.** нарын. *saj* ‘песок, галька’ [Сл. нарын. диал. тув. яз.], **тув.** эрзин., кунгуртуг. *saj* ‘галька’ [Шеймович и др.; Пчелинцев, Дыбо], **челкан.** (от информанта) *сай* ‘галька’[9].

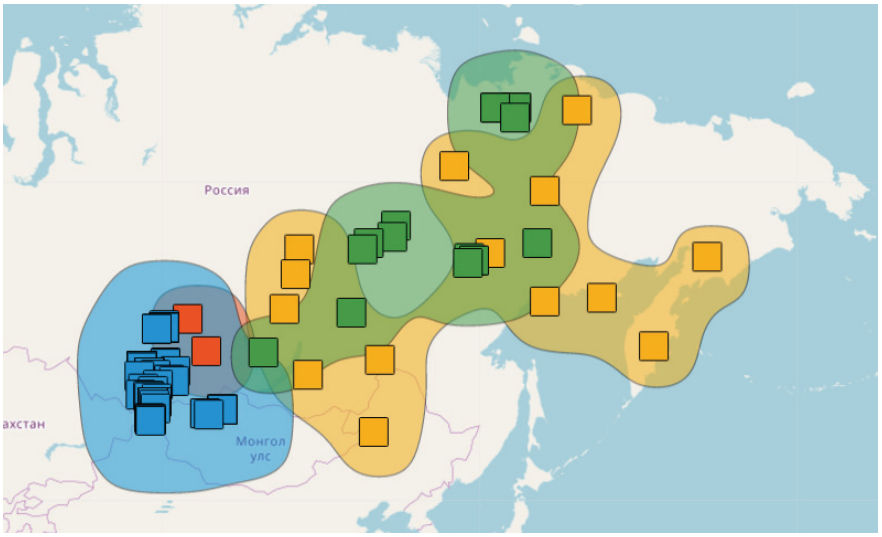
Этот же праалтайский корень представлен в ПТунг **saj* ‘песок’, но у его рефлексов нет перехода значения в ‘галька’ [EDAL: 1200—1201].

В тунгусских языках в рассматриваемой области значений выявляется праязыковая и синхронная полисемия или синкретизм. У ПТМ **(x)iŋā* реконструируется праязыковая семантика ‘песок или галька на берегу реки, песчаный берег, коса’ [Dybo 2013: 74]. Значение ‘песок’ отмечено в эвенкийском, эвенском

[9] На этом берегу песок, а на том берегу галька (камешки) — *По јаратта кувак, а ол јаратта сай ла тажыщактыр.*

и маньчжурском, а значение ‘галька’ локализовано только в севернотунгусских языках: эвенкийском, солонском, негидальском и орочском [ТМС 1: 320—321]: **эвенк.** Брг *иӈāран* ‘галька, камень (мелкий)’, *иӈарагда* ~ *иӈаригда* Е, Нак, Тнг ‘песок (крупный)’, ‘галька (на берегу)’, **сол.** *иӈā* ‘камень (мелкий)’, **эвен.** *ӣӈа* Ол, Алл, Б, М, Ох, П, Ск, Т ‘песок (крупный)’, ‘галька’, **нег.** *иӈā* ‘галька (на берегу реки)’, **ороч.** *иӈо* ‘галька’. На карту нанесены только эвенкийский и эвенский, где присутствует полисемия ‘песок, галька’.

Отдельно нанесена на карту синхронная полисемия в контактных тюркских языках (зеленый цвет на карте): **як.** *čaj* ‘отмель, крупный песок, галька’ «должно быть заимствованием, возможно, из какого-то южносибирско-тюркского языка» [Дыбо 2013: 449]. О развитии значения в этом случае говорить трудно, но для общей картины важно присутствие данной полисемии на территории Сибири.



‘песок’ — ‘галька’

Самодийский ареал (красный цвет) представлен исчезнувшим камасинским языком и локализуется в Красноярском крае. Здесь произошел исторический семантический переход ‘песок’ > ‘галька’. Тюркские языки, где представлена рефлексная полисемия ‘песок, галька’ (синий цвет), компактно расположены в Южной Сибири: юго-запад Томской области, юго-восток Красноярского края, Кемеровская область, Республика Хакасия, Республика Алтай, Республика Тыва. В севернотунгусских языках праязыковая полисемия ‘песок, галька’ зафиксирована в эвенкийском и эвенском языках и охватывает два ареала: на юге Восточной Сибири, с одной стороны (Эвенкийский Автономный округ, Иркутская область, Бурятия, Амурская область и север Китая), и, с другой стороны, на Севере Восточной Сибири и Дальнем Востоке (Якутия, Магаданская область, Хабаровский край, Камчатский край). Зеленым цветом отмечена синхронная полисемия неясного происхождения в якутском языке, соединяющая тунгусские ареалы.

Ввиду отсутствия перехода ‘песок’ — ‘галька’ в других самодийских языках помимо камасинского можно предположить, что она появилась под влиянием полисемии и аналогичных переходов в контактных языках.

Животный и растительный мир

‘кожа’, ‘шкура’: *праязыковая полисемия (возможно, синкретизм) в тунгусских и тюркских языках; праязыковая полисемия в селькупском и камасинском, утрата компонента полисемии в энецком*

Для прасамодийского языка реконструируется лексема **kopå* ‘кожа, кора’ [Janhunen 1977: 73]. В силу того, что в данном словаре не указаны значения приведенных лексем, а эти материалы архивные и труднодоступные, неизвестно, на каком основании реконструирована именно такая полисемия. Если руководствоваться современными словарями самодийских языков (материал см. ниже), то на праязыковом уровне надежно реконструируются значения ‘кожа’ (нган., сельк., камас.), ‘шкура’ (нган., эн., нен., сельк., камас.) и ‘кора’ (эн. лесн., сельк.), также последнее значение в тундровом ненецком языке и лесном диалекте энецкого языка передается через сочетания *пя’ хоба* [Терещенко 1965: 766], *пя коба* [Сорокина, Болина 2009: 177] (метафорическое ‘шкура дерева’?). Возможно, у этой праформы следует реконструировать широкое значение ‘оболочка чего-л.’, как в селькупских диалектах.

Рассмотрим подробнее значения всех известных лексем, возводимых к этой праформе. Начнем с селькупского, так как в этом языке представлен самый широкий набор значений: сельк. таз. *qopi̯* ‘шкура, кожа; кожура, корка; оболочка’ [Хелимский 2007: 274], об., кет. *қобы*, об., вас. *қобе*, ‘кожа, шкура, кора’ [Быконя и др. 2005: 85], об., тым. *қоп*, кет. *қоппэ*, тур. *қопы*, ел. *қопыг*, кет., вас., ел. *қопэ* ‘кожа’, ‘шкура’, ‘кора’, ‘корка’, ‘коробка’ [Быконя и др. 2005: 91], об. *коб*, *коби*, *кобе* ‘кожа’, ‘мех’, ‘пушнина’, ‘кора дерева’, причем ‘кожа’ и в значении ‘кожа человека’, и в значении ‘выделанная шкура животного’: «кожа его лица», «два дня мнут кожу»; *кобе мегу* «кожу выделать» [Быконя и др. 2005: 44]; нар. *kəb* ‘кожа, шкура’ [Сл. нарым. диал. сельк. яз.], нча. *ко́пъ* ‘шкура / кожа / кожа животного / шелуха зерна’ [Григоровский 2007: 124]. Это существительное, по мнению исследователей селькупского языка, «обозначает оболочку, обтягивающую, покрывающую что-либо снаружи» [Дубровская 2010: 86].

В энецком языке похожий разброс значений: эн. лесн. *коба* ‘шкура’, ‘мех’, ‘кожа’, ‘кора’, ‘кожура чего-л.’, ‘корка’, ‘верхний слой чего-л.’, *пя коба* ‘кора дерева’ [Сорокина, Болина 2009: 177], эн. тундр. *kôba* ‘шкура, кожица’: *d’aa kôba* ‘дерн’ *aja kuba* (= *aja sera*) ‘кожа’, *kôbaa* ‘кожица рыбы, рыбья кожица, кожа’ (хотя не совсем понятно, почему именно рыбья кожа, т. к. на это слово приведены контексты *uδan’i kôbaa* ‘кожа на руке’, *ajunaʔ kôbááʔ* ‘наша кожа’, *ajad kubaa* ‘кожа на теле’, а значение ‘рыбья кожа’ появляется в сочетании *kare kubaa*) [Хелимский Энецкий словарь], также значение ‘кожа’ передается через словосочетания эн. тундр. *aja(ʔ) kôbaa* ‘кожа (кожный покров)’ [Хелимский Энецкий словарь], эн. лесн. *ая кобай* ‘кожа’ [Сорокина, Болина 2009: 48] при *ая* ‘тело’ [Сорокина, Болина 2009: 48].

В ненецком языке есть рефлекс **kopå* с номинально широким спектром значений, но значение ‘кожа’ не встречается, а значение ‘кора’ и другие метафорические переносы все-таки передаются через сочетания слов: нен. *хобӑ* ‘шкура, шкурка (животного)’, ‘поверхность’: *пя’ хоба* ‘кора дерева’, *я’ хоба* ‘земная кора’, *нянь’ хоба* ‘корка хлеба’, б.-з. миф. *нув’ хоба* ‘нижний небесный покров (через отверстия в котором, по представлениям ненцев, просвечивает в виде звезд верхний золотой свод)’ [Терещенко 1965: 766] (подробнее в разделе ‘кора’).

В нганасанском языке зафиксированы значения ‘шкура’, ‘мех’ (производное от предыдущего?), ‘кожа’: нган. *куху* [*кубу”*, *куба”*; *-ӯ*] ‘шкура; мех’, *кухуо* [*-”*, *кухуу”*; *-ӯ*] ‘мездра’, ‘кожа (человека)’ [Костеркина и др. 2001: 76], *kuhu* ‘шкура (кожа с мехом)’, *kuhuə* ‘кожа’ [Хелимский Нганасанский словарь]. В камасинском засвидетельствована полисемия ‘кожа, шкура’: камас. *k̓uba* [Kamassisches Wörterbuch: 33].

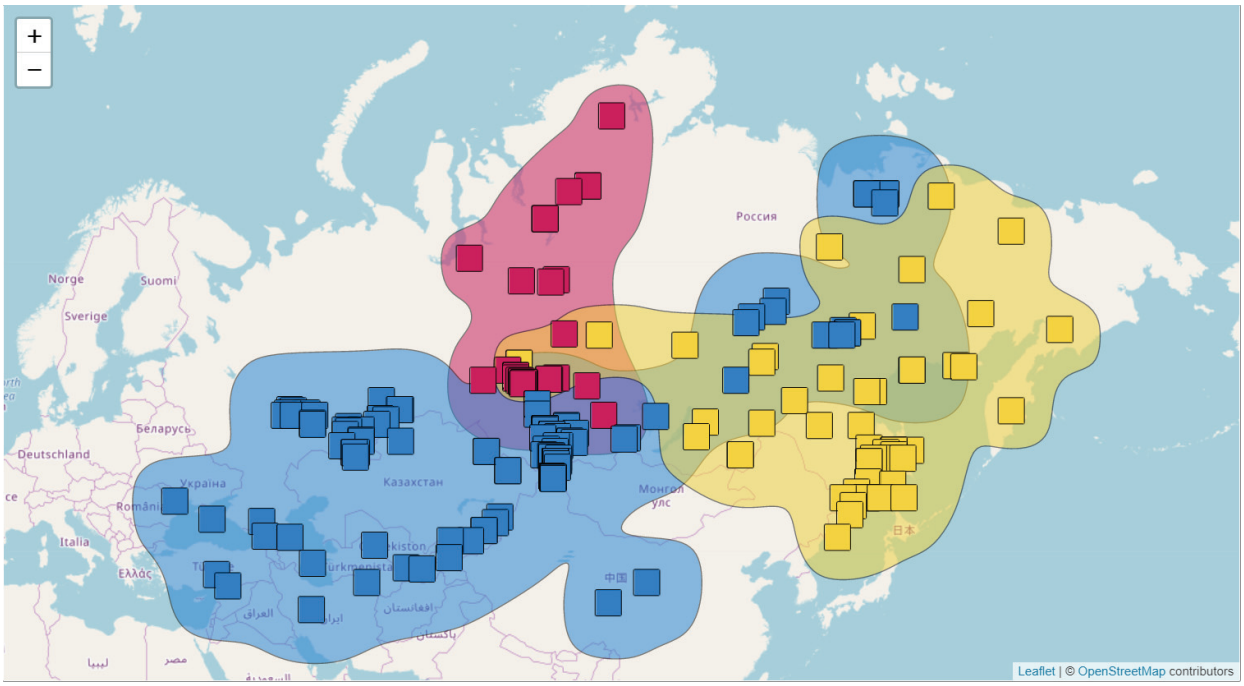
В тюркских и тунгусских языках тоже отмечена полисемия или синкретизм ‘кожа’, ‘шкура’ на праязыковом и синхронном уровне: ПТ **teri* / **dęri* ‘кожа, шкура’ тур., гаг. *deri*, аз. *däri*, туркм. *deri*, сал. *tʿirə*, *tʿirə̑*, кар., кбалк., кум. *teri*, тат. *tirə*, тат. диал. *tärĭ*, башк. *tirə*, ног., ккалп., казах. *terĭ*, кирг. *teri*, алт. *tere*, алт. диал. (кум., тубалар.) *tere*, узб., уйг. *teri*, сюг. *tere*, *ter*, хакас. *teːr*, тоф. *tɛrɛ*, як. *tiriː*, *tirie*, чув. *tir* [ЭСТЯ 1980: 207—208; Дыбо 2013: 470—471; СИГТЯ 2001: 383], а также шор. *тере* (от информанта)[10].

ПТунг **nansa* [EDAL: 962—963] ‘кожа’, ‘шкура’ (реконструкция праязыкового значения на основании эвенк., сол., эвен., нег., ороч., уд., ульч., орок., нан.) [ТМС 1: 583—584]: **эвенк.** *нанна* П-Т, Брг, Е, З, Н, Сх, Тк, Урм, Чмк, *нанда* Н, М, Нрч, С, С-Б, Тт, Учр, Члм, *нандра* С, *нанн´а*, *нанра* Чмк, *нарна* А, З, М, Олкм, Тнг, Тт, Чмк, *н´анн´а* Кч ‘шкура, кожа (животного)’, **сол.** *нанда* (*нана´*‘шкура, кожа’ (восточное и южное наречие, северное представлено только ербогаченским диалектом), **эвен.** *нанръ* Ол, П (*нандъ* Алл, М, Т, *нандо* Ск, *нанна* Ох, *наннъ* Б, *н´ен´чи* Арм, *ӈа́нд*ᵖ*а* К-О) ‘шкура’, ‘мех, шкурка’, ‘кожа’, **нег.** *нана* ‘шкура’, ‘кожа (человека, животного)’, **ороч.** *наса* (*naha*, *nuha*) ‘шкура (вообще)’, ‘шкура лося (выделанная, без шерсти)’, ‘кожа’, **уд.** *не*ʰ*æ, не́*ʰ*а* ‘шкура, кожа’, **ульч.** *нанта* ‘шкура, кожа’, **орок.** *ната* ~ *натта* ‘шкура’, ‘шкурка’, ‘кожа’, **нан.** *нанта* (диал. *нана*, *наса*) ‘шкура, кожа’ [ТМС 1: 583—584].

Таким образом, на следующую карту накладываются языки, в которых возможно совмещение или неразличение значений ‘кожа (человека)’, ‘выделанная шкура (животного)’, ‘шкура (животного)’. В силу многозначности русского слова *кожа*, использующегося в словарных дефинициях, без контекстов или уточняющих слов бывает невозможно различить первые два значения, но тем не менее мы приводим здесь все слова, для которых даны толкования ‘кожа, шкура’.

Самодийский ареал (красный цвет) простирается с севера на юг от полуострова Таймыр до Красноярска и Томской области. Тюркский ареал (синий цвет) тянется от Передней Азии на юго-западе до севера Якутии и покрывает всю территорию распространения тюркских языков. Тунгусский ареал (желтый цвет) также занимает всю площадь распространения тунгусских языков, от Камчатки на Дальнем Востоке до Томской области в Западной Сибири. Самодийский и тунгусский ареалы пересекаются на территории Красноярского края и Томской области. Таким образом, полисемия или синкретизм ‘кожа, шкура’ выглядит как общеевразийская полисемия, не привязанная к какому-то конкретному ареалу.

[10] ‘кожа’: *У меня порез на коже — Мен теремни кезибискем*, ‘шкура’: *У медведя (овцы) теплая шкура — Апшыктың терези чылыг*, ‘выделанная шкура’: *Там сушатся шкуры — Анда эстеткен терелер (пышқактар) қурча*.



‘кожа, шкура’

Кожа, шкура > кора: ***развитие значения в самодийских и эвенкийском или актуализация широкого значения***

В статье [Gast, Koptjevskaja-Tamm 2018] описаны два макрокластера с колексификацией ‘кожа, кора’: 1) в Южной Америке (14 языков из 11 семей) и 2) в Меланезии (7 языков из 2 семей). Оказалось, что Сибирь тоже образует ареал подобной полисемии.

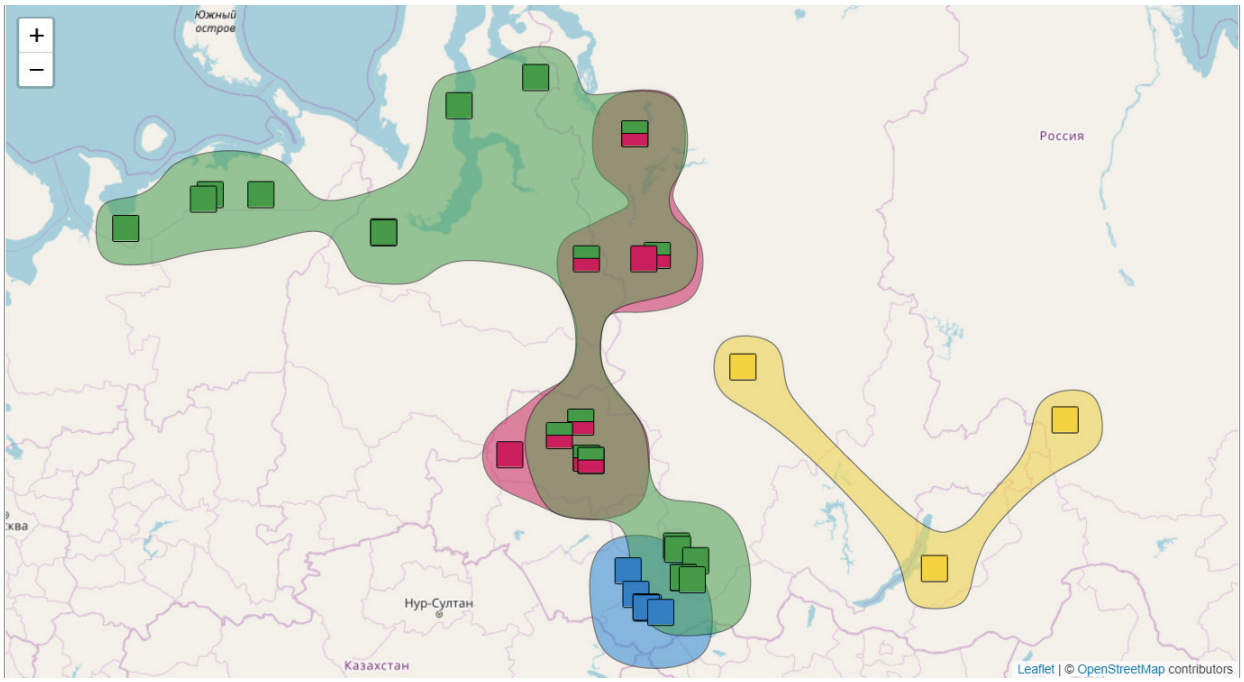
А. В. Дыбо отмечает следующую особенность обозначения коры в тюркских языках этого региона: «В языках южной Сибири мы столкнулись ⟨…⟩ с таким явлением: употребительными (в силу хозяйственной важности) являются лишь названия коры конкретных деревьев: березовой (бересты) и лиственничной; как общее название для коры функционирует то же слово, что называет кожу человека и животного (**ayač tere-si*), причем информанты склоняются к тому, что такое выражение скорее употребительно как научный (ботанический) термин, а не как бытовое название. Кроме того, встречается существенное противопоставление “кора на дереве” vs. “кора как технологический материал” = “кора, содранная с дерева” (“корье”), аналогично противопоставлению “дерево” vs. “древесина”» [Дыбо 2013: 90].

Таким образом, в тюркских языках отмечен семантический переход или актуализация широкого значения от ПТ **teri* ‘кожа, шкура’ к ‘кора’ в куманд., тубалар. *tere*, хакас. *агас тирезе*, буквально ‘шкура дерева’ (употребление с уточняющим словом) [Дыбо 2013: 98, 470—471], челкан. *тере* (от информанта)[11].

В самодийских языках отдельное слово существует для обозначения бересты (ПС **tə̑j* [Janhunen 1977: 145—146] < ПУ **tojV* ‘береста’ [UEW: 528]), обычное же обозначение коры передается рефлексами ПС **käså* ‘кора (древесная)’ [Janhunen 1977: 65]. Но появляется это значение и в словах, восходящих к ПС **kopå* ‘кожа, шкура’: **сельк.** об., кет., вас. *коб*, *коби*, *кобэ*, *қобы* ‘кожа, шкура, кора’, об., тым. *қоп*, кет. *қоппэ*, тур. *қопы*, ел. *қопыг*, кет., вас., ел. *қопэ* [Быконя и др. 2005: 85, 91], об. *коб*, *коби*, *кобе* ‘кожа’, ‘мех’, ‘пушнина’, ‘кора дерева’ [Быконя и др. 2005: 44], таз. *ӄопы* ‘шкура животного, кожа (человека), кора, кожура’ [Казакевич, Будянская 2010: 58]. Также значение ‘кора’ передается сочетаниями рефлекса **kopå* и слова, обозначающего дерево или вид дерева, как в тюркских языках: **сельк.** таз. *pōt qopi̧* ‘кора дерева’, *pȩt qopi̧* ‘кора тальника’, *qā̄ qopi̧* ‘береста’ [Хелимский 2007: 274], об., тым. *подҷоп*, *подқоп* ‘кора (дерева)’ [Быконя и др. 2005: 190], **нен.** Т. *пя’ хоба* [Терещенко 1965: 766], **эн.** лесн. *пя коба* [Сорокина, Болина 2009: 177]. В лесном диалекте энецкого языка зафиксировано значение ‘кора’ и у самого слова *коба* вне сочетаний, в ямальском диалекте ненецкого языка тоже возможно употребление *хоба* ‘кора’ в контексте *У этого дерева твердая* / *темная кора* (от информанта).

[11] *У этого дерева твердая*/*темная кора — По агаштыҥ терези кадуг*/*терези карамдык.*

В тунгусских языках рассматриваемый семантический переход не получил широкого распространения и отмечен только в трех диалектах эвенкийского языка: ПТМ **xerekte* ‘кожа’, (эвен., нег., ороч., ульч., орок., нан.) > **эвенк.** (П-Т, Брг, Тк) *эрэктэ* ‘кора (древесная)’ [ТМС 2: 467]. Есть отдельное обозначение бересты: ПТМ **kibē* ‘birch bark’ [EDAL: 676; ТМС 1: 420].



кожа, шкура > кора

Самодийский ареал совмещения значений ‘кожа’ и ‘кора’ (красный цвет) имеет два центра: в Томской области на юге и по течению Енисея на севере. Тюркский ареал (синий цвет) компактно расположен на Алтае. Соседствуют с этими ареалами языки (зеленый цвет), в которых значение ‘кора древесная’ передается через сочетание ‘шкура/кожа дерева’ (хакасский в Республике Хакасия, тазовский, тымский и обские говоры селькупского языка, лесной диалект энецкого языка и тундровый ненецкий язык в Ямало-Ненецком Автономном округе). Несмотря на то что добавление уточняющего слова в тюркских языках может быть факультативным (похоже, как и в селькупском), представляется целесообразным отдельно обозначить область, где разные языки, родственные и неродственные, используют аналогичное словосочетание для передачи значения ‘кора’. Как видно по размерам зеленого ареала, передача этого значения через словосочетание встречается на большей территории, чем появление этого значения у ‘кожа’. Тунгусский ареал (желтый цвет) образован тремя разрозненными точками в Красноярском крае, Бурятии и на юге Якутии и выглядит изолированно по сравнению с тюркско-самодийским ареалом, но, с другой стороны, это три эвенкийских диалекта южного наречия, достаточно близких территориально к центру распространения рассматриваемого семантического перехода по сравнению с другими тунгусо-маньчжурскими языками и диалектами.

Волосы, шерсть, перо: *праязыковая полисемия или синкретизм в самодийских и тунгусских языках, семантический переход в тюркских*

В статье [Gast, Koptjevskaja-Tamm 2018] описаны четыре ареала колексификации ‘волосы, перо’: 1) в Мезоамерике, 2) в Южной Америке, 3) в Центральной Африке, 4) в Юго-Восточной Азии и Папуа-Новой Гвинее [там же: 58]. Еще одним большим ареалом совмещения этих значений является вся Сибирь. Как оказалось, в самодийских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языках существуют разные корни для обозначения покровного пера птицы (ПС **tə̂r*, ПТ **tük*, ПТМ **xin-ŋa*) и махового пера (ПС **tuə̂j*, рефлексы ПТ **Kājnat*, ПТМ **dekte-*). В первом случае значение ‘перо’ может являться реализацией широкого значения ‘волосяной покров животного или птицы’ и совмещаться с ‘волосы, шерсть’, а во втором — объединяться с ‘крыло’. Этим двум группам лексем посвящены отдельные карты.

Руководствуясь архивными данными, Ю. Янхунен реконструировал для прасамодийского уровня лексему **tə̂r* с основным значением ‘волосы (на теле)’, также ‘перо’ по данным нганасанского, ненецко-

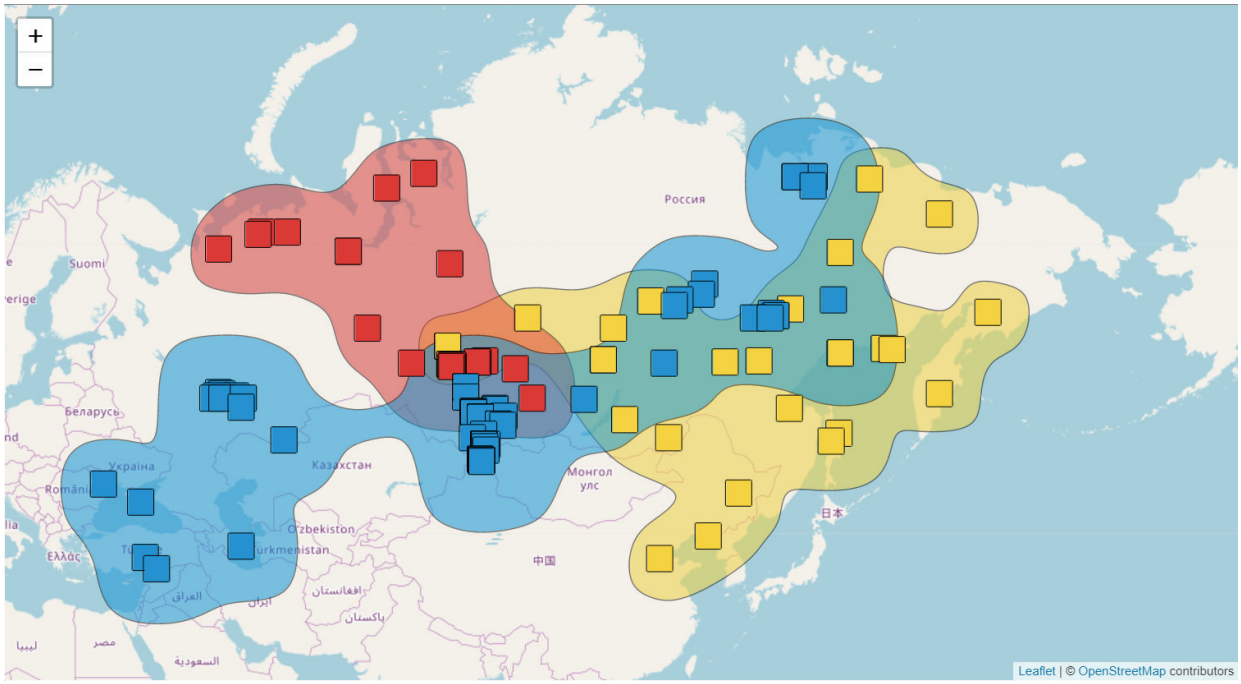
го, селькупского и камасинского языков [Janhunen 1977: 149]: **нган.** *tar̓, tar*, **нен. Т.** *тар”*, **нен. Л** *tar̀ˑ*, **сельк.** *tar*. В современных словарях полисемия ‘волосы / шерсть, перо’ обнаружена в ненецком, селькупском и камасинском языках. Рассмотрим все рефлексы **târ*, где встречается значение ‘перо’.

нен. Т. *тăр”* ‘шерсть, мелкое перо птицы’ [Терещенко 1965: 638], **нен. Л.** *тал̣* ‘шерсть; мелкое перо птицы; мех; ворс’ [Бармич, Вэлло 2002: 121], **камас.** *tˑə̂r̀*, [*t̓ə̂r̀*], *tˑr̥̀*, *tˑə̊r̀* ‘волосы (редко у людей); перо; ворс’ [Kamassisches Wörterbuch: 71], **сельк.** таз. *tar* (*tari-*) ‘шерсть, мех; волосы (не на голове у человека); оперение, пух’ [Хелимский 2007: 351], об., кет., вас. ***тар ~ таре*** ‘шерсть; мех; перо’, кет. *таррэла* мн. ч. ‘перья’ [Быконя и др. 2005: 231], нча. *тарь* ‘шерсть/волос/перо’ [Григоровский 2007: 210].

Для корня *тар* значение ‘перо’, как отмечает Ю. Коряков, «видимо, вторично, но в некоторых диалектах этот корень стал основным для этого значения, т. к. первый корень (имеется в виду корень *ту*, см. следующую карту. — *И. Ф.*) стал значить только ‘крыло’» [Коряков 2018: 193].

В тюркских языках восстанавливается семантический переход ‘волос’ > ‘перо’: ПТ **tük* ‘волос на теле’ (> ‘шерсть’, ‘перо’ и пр.): чуваш. *tək* ‘перья; волосы на теле человека’, як. *tū̄* ‘пух, перья у птиц; шерсть, мех у животных; волосы, пушок у человека; ворс у растений’, хакас. *tük* ‘волосы, шерсть, перья’, тур. *tüj* ‘волос, шерсть, пух, перья’, гаг. *tüj* ‘перо, пух, шерсть, волосок’, аз. *tüg* ‘волос, шерсть, перо, пух’, кар. *tik* ‘перо’, кбалк. *tük* ‘волосы, шерсть, перья’, тат. *tök* ‘шерсть, волосы на теле, мелкие перья’, алт. *tük* ‘волосы на теле, шерсть, мелкие перья’, диал. челкан. *tük* ‘перья, пух; волосы на теле, шерсть’. «Первоначальное значение, видимо, — ‘волосы на теле’, в т. ч. подшерсток у животных (в отличие от **juŋ* ‘шерсть (например, состриженная для прядения) и пух у птиц’)» [Дыбо 2013: 298].

В тунгусо-маньчжурских языках широко распространена полисемия ‘волос, перо’, восходящая к праязыковой полисемии или синкретизму: ПТМ **xin-ŋa-* ‘волос, пух, шерсть (животного)’ (эвенк., эвен., нег., ульч., орок., нан., ороч., уд., сол.), ‘перо, пух (птицы)’ (эвенк., эвен., орок., ма.): **эвенк.** *инӈактā* П-Т, Алд, Е, И, Н, Ткм, Учр, Чмк (*инӈа* Алд, Вл, С, Сх, *ини́ӈакта* Брг, *иӈактā* К), **эвен.** *и̇нӈът* [**инӈакта*] Ол, Алл, Б, М, П, Т (*е́ӈат* К-О, *и̇нӈат* Арм, Ох, *и̇нӈот* ~ *и̇ӈӈот* Ск), **орок.** *си̇накта*, **ма.** *иӈгаха* ‘пух (птичий)’, ‘подпух (у шерсти животного)’, *иӈгала* ‘пух, мелкие перья’, ‘название птички’ [ТМС 1: 317].



‘волосы’, ‘шерсть’, ‘перо’

Самодийский ареал (красный цвет) занимает почти всю территорию распространения самодийских языков, хотя в него включены не все языки и диалекты: на севере от Архангельской области (ненецкий язык) до полуострова Таймыр (нганасанский), на юге до Томской области (селькупский язык) и Красноярского края (исчезнувший камасинский язык). Тюркский ареал (синий цвет) предстает в виде полоски, тянущейся от севера Восточной Сибири (якутский язык) к Южной Сибири (тофаларский, челканский, кумандинский), также отмечены небольшие компактные ареалы в Поволжье (чувашский язык) и При-

черноморье (караимский, гагаузский языки). Тунгусский ареал (желтый цвет) занимает особенно большую площадь на северо-востоке Китая, Дальнем Востоке и востоке Сибири, накладывается на якутский ареал в Якутии и на самодийский ареал в Томской области, на территории распространения селькупского языка. На юге самодийский ареал граничит с тюркскими саянскими языками в Красноярском крае. Таким образом, выявляются два центра пересечения ареалов — Юг Сибири (Томская область, Красноярский край — самодийские, тюркские и тунгусские языки) и Восточная Сибирь (якутский и эвенкийский языки).

Перо, крыло: *праязыковая полисемия или синкретизм в тунгусских языках, а также в маторском и селькупском*

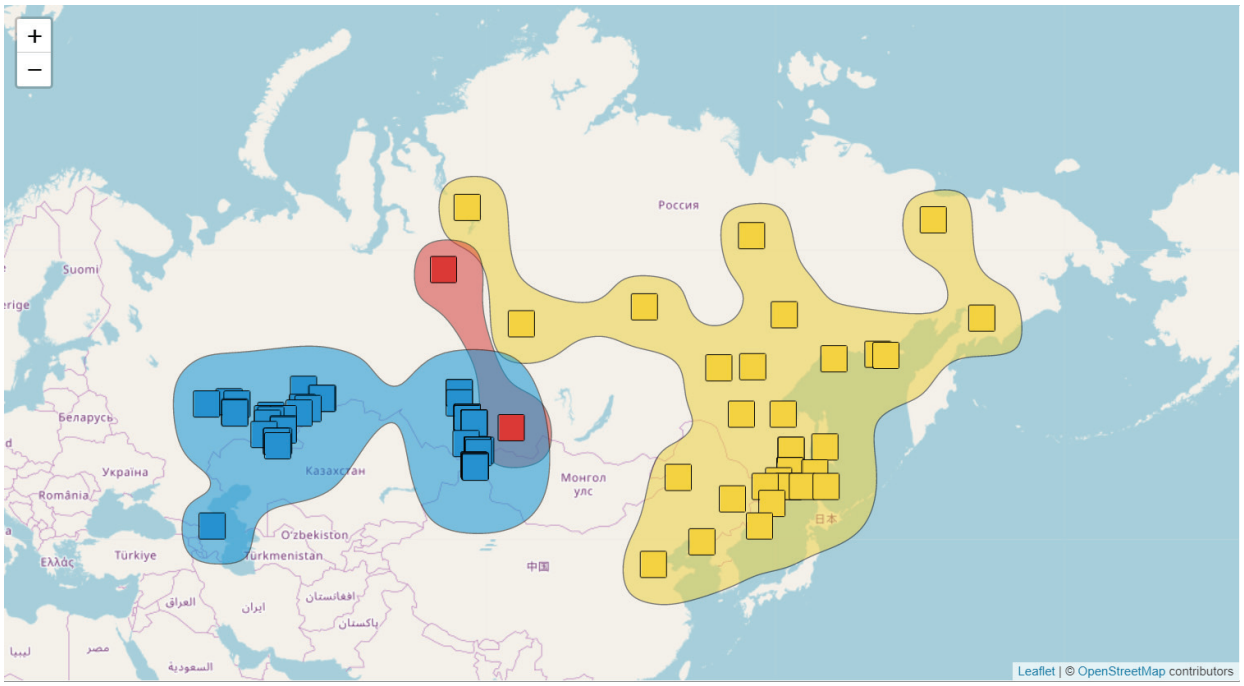
Разграничение этих значений может представлять трудность, если имеется в виду маховое перо у птицы. Так как в материалах, привлеченных к исследованию, не было возможности проверить эти значения по контекстам, в данной карте мы будем полагаться на словарные дефиниции, которые, безусловно, требуют дальнейшей проверки.

В самодийских языках Ю. Янхуненом реконструируется праязыковая полисемия: ПС **tuə̑j* ‘перо, крыло’ [Janhunen 1977: 166], но не указаны значения каждого приведенного слова. В современных словарях у рефлексов этой праформы полисемия обнаружена только в маторском и селькупском, поэтому неизвестно, можно ли возвести эту полисемию на прасамодийский уровень: **матор.** *ту* ‘перо’, *туда* ‘крыло’ [Helimski 1997: 367], **сельк.** таз. *tū* ‘перо, крыло (оперение крыла), плавник, веник из птичьего крыла’ [Хелимский 2007: 390]. В нганасанском языке зафиксированы значения ‘крыло’, ‘вешек’, ‘оперение стрелы’, однако последнее, строго говоря, не тождественно значению ‘перо птицы’, поэтому на карте нганасанский язык не обозначен: *чуо* ‘крыло’ [Костеркина и др. 2001: 217], *чӱə* ‘крыло’, ‘вешек’, ‘оперение стрелы’ [Хелимский Нганасанский словарь]. В ненецком и энецком языках — только ‘крыло’: **нен. Т.** *то* [Терещенко 1965: 664], **нен. Л.** *то* [Бармич, Вэлло 2002: 127], **эн.** тундр. *tua* [Хелимский Энецкий словарь], лесн. *то* [Сорокина, Болина 2009: 438]. В других диалектах селькупского наблюдается полисемия ‘крыло, плавник, ветка (хвойного дерева)’, но нет значения ‘перо’ — **сельк.** об., кет., тур. *ту* [Быконя и др. 2005: 242].

В тюркских языках семантический переход ‘крыло’ > ‘перо’ обнаружен в словах, восходящих к ПТ **Kājnat* ‘крыло’. Полисемия засвидетельствована в кумык. *qanat* ‘перо’, ‘крыло’ [Дыбо 2013: 260; ЭСТЯ 1997: 252—253], алт. *qanat* ‘крыло, перо’ [Словарь усть-канского говора; Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, А. П. Минчинова)], башк. *ҡанат* ‘перо’, ‘крыло’ [Башк. Конюково]. Семантическая эволюция ‘крыло’ > ‘перо’ предполагается для тат. *канат* ‘перо’ [Говор д. Мунтово (Носитель – Батманова Диляра Анваровна, 1965 г.р. Касимовский район, Рязанская область)], тубалар. *qanat* ‘перо, перья’ [Словарь тубаларского идиома, говор нп Усть-Пыжа], теленг. *канат* ‘перо’ [Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Балыкча, Мария); Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, А. И. Садуков); Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, Т. И. Садукова); Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, Н. В. Сосова); Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, Б. Г. Дадыянова)].

В тунгусских языках реконструируется праязыковая полисемия ‘перо, крыло’: ПТМ **dekte-* (эвенк., сол., эвен., ма., нан., ороч., уд.) [ТМС 1: 231] > **эвенк.** *дэктэннэ* П-Т, И (*дэктилэ̄* Алд, З, Сх, Урм, Учр, Чмк, К *дэктэн* Чмк, *дэктэндэ* Д), ‘крыло (птицы, самолета)’, ‘перо, оперение’, **сол.** *дэттэлэ дебтеле́* ‘перо, крыло’, **эвен.** *дэтлэ* Ол, Арм, Ох, П, Ск, Т (*да̄тла* К-О) ‘крыло (птицы)’, ‘перо (птицы)’, ‘плавник (боковой, у рыбы)’, **ороч.** *дэктэ* ‘крыло (птицы)’, ‘перо (птицы)’, **уд.** *дэктэ^{h}э* (*дэткэ*) ‘крыло (птицы)’, ‘перо (птицы)’, **нан.** *дэктэнэ* ‘крыло (птицы)’, ‘перо (птицы)’, **ма.** *дэтхэ* ‘крыло’, ‘перо (маховое, у птицы)’, ‘оперение (стрелы)’.

Самодийский ареал (красный цвет) представляет собой удаленные друг от друга точки — на р. Таз в Ямало-Ненецком автономном округе и на р. Васюган в Томской области (селькупский язык), а также на юге Красноярского края (исчезнувший маторский язык). В тюркских языках (синий цвет) полисемия и семантический переход ‘крыло’ > ‘перо’ обнаружены только в кумыкском языке на Северном Кавказе, в башкирском языке в Поволжье и алтайских диалектах в Южной Сибири. Тунгусский ареал (желтый цвет) занимает большую площадь на Дальнем Востоке (Камчатский край, Приморье) и востоке Якутии, а также охватывает север Китая (солонский и маньчжурский языки) и север Красноярского края (северное наречие эвенкийского языка).



‘крыло’ — ‘перо’

Человек

человек, мужчина: ***развитие значения в тюркских языках, праязыковая полисемия в тунгусских, рефлексная праязыковая полисемия в самодийских***

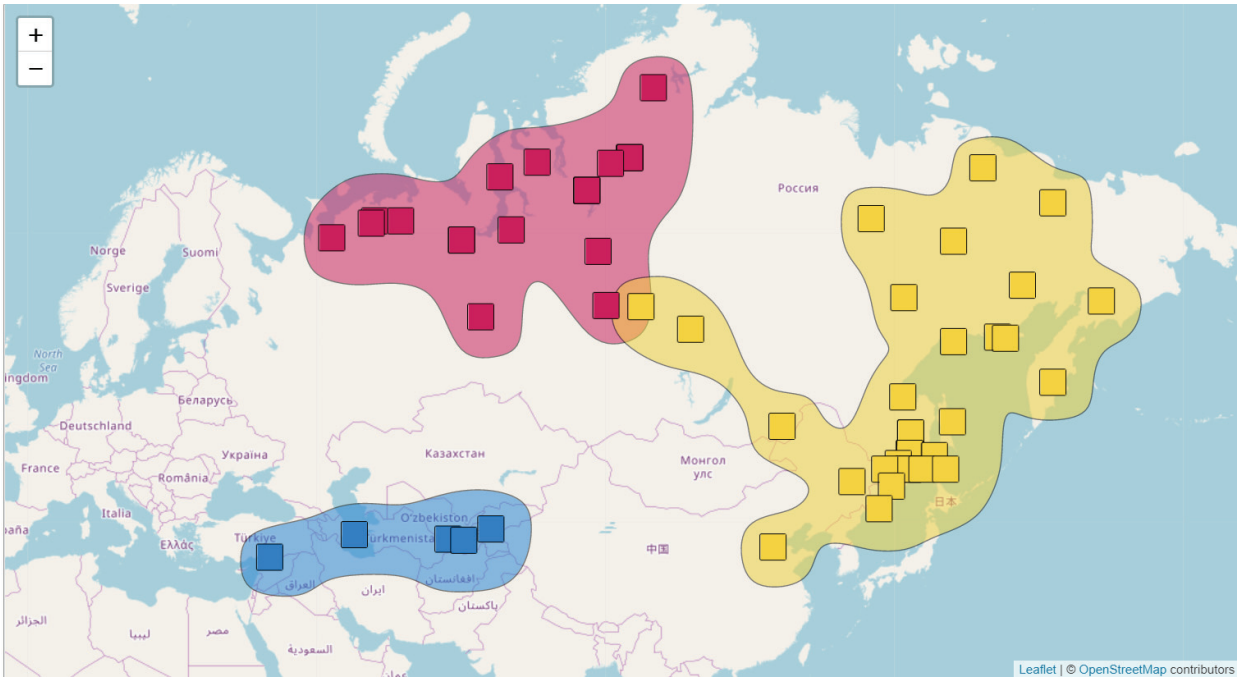
Значение прасамодийской лексемы **kåə̂så* Ю. Янхунен реконструирует как ‘мужчина, человек’, предположительно с внутренней формой ‘смертный’ **kåə̂-så* < **kåə̂* ‘умирать’ [Janhunen 1977: 61], и, имея в виду предложенную прасамодийскую этимологию, можно было бы считать первичным значением ‘человек’, а не ‘мужчина’. Но такая интерпретация встречает препятствия из-за строгого распределения значений по самодийским подгруппам: в северных самодийских языках — ‘мужчина’, а в камасинском и маторско-тайгийско-карагасском — ‘человек’: **эн.** тундр. *kaasa* ‘мужчина’ [Хелимский Энецкий словарь], лесн. *каса* ‘мужчина; брат; друг, товарищ, приятель, подруга’ [Сорокина, Болина 2009: 162], **нен. Т.** *хасава* ‘мужчина’, ‘муж’, вост. ‘ненец (самоназвание)’ [Терещенко 1965: 755], **нган.** ‘мужчина’, ‘муж’ *куодюму* [Костеркина и др. 2001: 75], *kuəd'ümu* [Хелимский Нганасанский словарь], *kuajúmu*, *kōd'umu* < **kåə̂så-må* [Janhunen 1977: 61], **камас.** *ḳuza* ‘человек’ [Kamassisches Wörterbuch: 35], **матор.** *kasa*, *каза*, *казы*, аб. *chasa*, **тайг.**, **карагас.** *chássa* ‘человек’, **матор.** *негазы* ‘баба’ при *не* ‘женщина’ [Helimski 1997: 269]. Ни одно значение по отдельности не может быть возведено на прасамодийский уровень, исходя из критерия фиксации в обеих самодийских ветвях, но можно интерпретировать эти разночтения как различные рефлексы одного полисемичного прасамодийского слова. К тому же самоназвание *хасава* в восточных ненецких диалектах и значение ‘подруга’ в энецком может свидетельствовать о более раннем значении ‘человек’ в северных самодийских языках.

В некоторых тюркских языках произошла семантическая эволюция ‘человек’ > ‘мужчина’: ПОТ **kiλi* ‘человек’ (як., долган., тув., тоф., хакас., шор., сюг., др.-тюрк., крх.-уйг., тур., гаг., сал., узб., нуйг., кар., кумык., тат., башк., ног., казах., ккалп., кирг., алт., тубалар., челкан., куманд.) > ‘мужчина’ аз. *kiši*, узб. *kiši*, кбалк. *kiši* [Дыбо 2013: 369].

В тунгусо-маньчжурских языках обнаруживается праязыковая и синхронная полисемия ‘мужчина, человек’: ПТМ **ń(i)ari* ‘мужчина’ (эвенк., сол., эвен., нег., орок., нан., ороч., чж.), ‘человек’ (нег., ма., чж., ульч., орок., нан., ороч., уд.) [EDAL: 1013—1014; ТМС 1: 598—599]: **эвенк.** *ниравӣ* ~ *н'иравӣ* П-Т, И (*н'ерави*, *н'ēравӣ* В, Н, *н'орави* П-Т, Нрч, Чмк, *н'ōрӣ* А) ‘мужчина (молодой)’, ‘муж, хозяин, мужчина из своей семьи (преимущественно молодой)’, **сол.** *нирō* ‘мужчина’, **эвен.** *н'ари* Ол, Алл, Б, М, Ох, П, Ск, Т (*н'арí* К-О, *н'ери* Арм) ‘мужчина’ (Алл, Арм, Б, К-О, Ох, Ск, Т), ‘мальчик’ (Ол, Б, К-О, Ох, П, Ск, Т), **нег.** *н'ēјавӣ* ‘мужчина (молодой), юноша’, **ороч.** *н'ǣ*, *н'ӣ*, *не* ‘человек’, ‘мужчина’, ‘посторонний человек, кто-то, некто’, *н'ӣн'ǣ* ‘мужчина’, **уд.** *н'ӣита* ‘мужчина’, ‘самец’, **орок.** *нари* ‘человек’, ‘мужчина’,

‘мужской пол’, **нан.** *нир΄а* ‘самец (показатель мужского пола людей и животных)’, *нир΄а бэјэ* ‘мужчина’, **чж.** *niēh-rh-mâ* ‘человек’, ‘мужчина’.

Принимая во внимание направление семантического перехода в тюркских языках, мы отметили на карте только те языки, в которых сохранилось значение ‘мужчина’ как компонент полисемии или как единственное.



‘человек’ — ‘мужчина’

Самодийский ареал (красный цвет) занимает север Европы и Западной Сибири вплоть до Таймыра, а также территорию южнее по течению Енисея. Тунгусский ареал (желтый цвет) локализуется в основном на Дальнем Востоке, в Хабаровском и Приморском крае, на полуострове Камчатка и охватывает север Восточной Сибири в Якутии. Севернее Байкала тунгусский ареал соседствует с самодийским в Красноярском крае. Тюркский ареал (синий цвет) не пересекается с двумя другими и имеет два основных центра: Кавказ и Средняя Азия.

Части тела

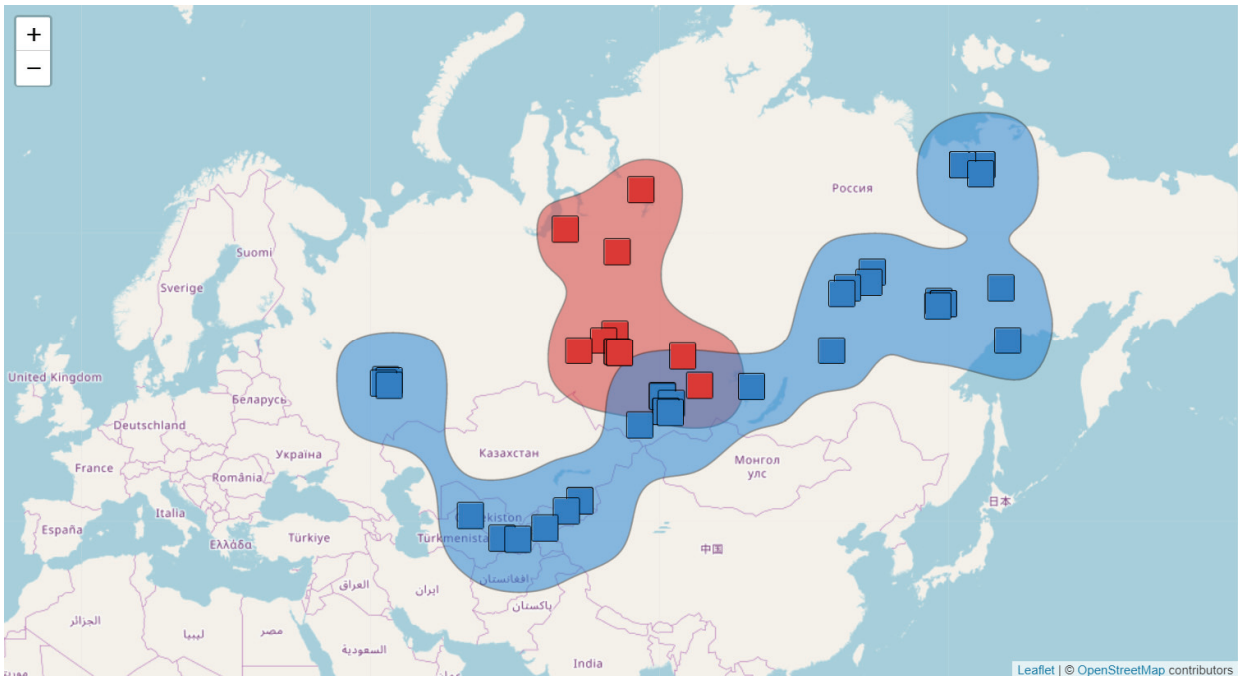
мясо, тело: *праязыковая полисемия в самодийских и тюркских языках*

В южных самодийских языках наблюдается сохранение праязыковой полисемии: ПС **åjå* ‘мясо, тело’ [Janhunen 1977: 17] > **камас.** *uja* ‘мясо, тело, плоть’ [Kamassisches Wörterbuch: 80], **сельк.** таз. węcị ‘мясо; плоть, тело’ [Хелимский 2007: 417], кет. *вадь ~ ведь ~ веття ~ ветьти*, тым. *вајеп*, об., вас., тым. *вајь* ‘мясо, тело’ [Быконя и др. 2005: 22], **эн.** тундр. *аја* ‘тело, плоть, мясо (как часть тела)’ [Хелимский Энецкий словарь] (в лесном диалекте у лексемы *ая* отмечено только значение ‘тело’ [Сорокина, Болина 2009: 48], поэтому на карте лесного диалекта нет).

В тюркских языках также сохраняется праязыковая полисемия или праязыковой синкретизм: ПТ **et* ‘мясо, тело’ > чуваш. *üt*, як. *et*, хакас. *it*, узб., ккалп., кирг, алт. *et*, уйг. *e"t* [ЭСТЯ 1974: 311—312; Дыбо 2013: 374—375], челкан. *эт* (от информанта) ‘мясо’/‘тело’[12].

Самодийский ареал с праязыковой полисемией ‘мясо, тело’ (красный цвет) простирается от Обской губы, р. Таз и устья Енисея на севере до территории Томской области и юга Красноярского края. Тюркский ареал (синий цвет) простирается от севера Якутии, через Южную Сибирь, к Средней Азии. Отдельный точечный ареал есть также в Поволжье (чувашский язык). Ареалы пересекаются на территории распространения камасинского, южных селькупских диалектов и хакасского языка в Южной Сибири.

[12] *Он принес много мяса — Ол көп эт экелгән. У него крепкое тело — Олаң эди-каны тың.*



‘мясо, тело’

Шея, горло: ***праязыковая полисемия или синкретизм в тунгусских языках, селькупском и камасинском***

В случае совмещения значений ‘шея’ и ‘горло’ мы имеем дело с исследовательской интерпретацией: возможно, оно не является в строгом смысле полисемией, а отражает употребление гипонима вместо гиперонима в определенных контекстах, что требует дополнительной проверки, если это возможно. Но тем не менее факт нейтрализации этих значений в определенных случаях представляется интересным. В каталоге CLICS колексификация концептов ‘neck’ и ‘throat’ обнаруживается в 98 языках из 28 семей, в их числе тюркские — чув. *pur* и кумык. *tamak*, уральские — *juan* в коми-пермяцком и *soj* в северноселькупском (https://clics.clld.org/graphs/infomap_83_NECKLACE). В ходе данного исследования подтвердилось совмещение значений ‘шея, горло’ в селькупском.

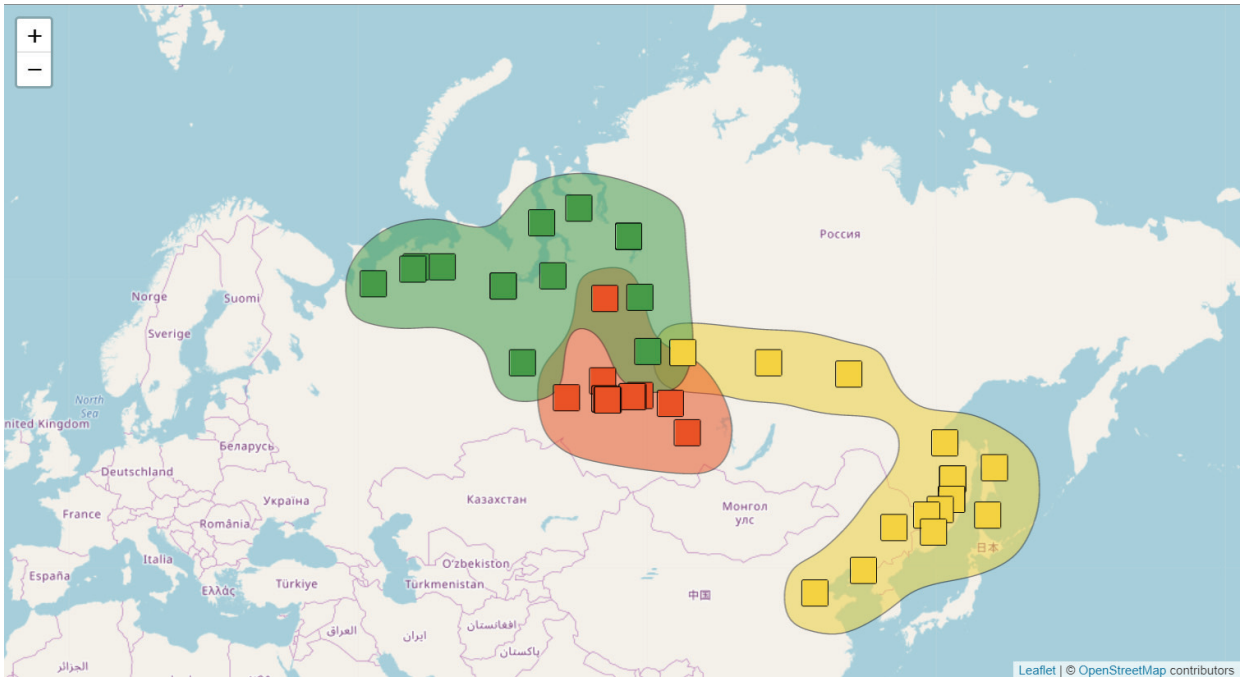
Для прасамодийского уровня реконструируется лексема **soj* ‘шея, горло’ [Janhunen 1977: 142]. В современных словарях полисемия обнаруживается только в селькупском и камасинском, а в северных самодийских языках полисемия не зафиксирована и рефлексы этой праформы имеют значение ‘горло, голос’. Нельзя исключить, что праязыковым значением было именно ‘горло’. Рассмотрим все слова, возводимые к **soj*, и их значения:

сельк. таз. *sōl’* ‘горло, шея (спереди); устье’ [Хелимский 2007: 318], об., кет., ел. *сой*, тур. *солт* ‘глотка’, ‘горло’, ‘шея’, ‘голос’, ‘ручей’, ‘исток’, ‘протока’ [Быконя и др. 2005: 212], тур. *соль* ‘глотка’, ‘горло’ [там же: 213], об. *хой*, *холь*, вас. *хол*, *холь*, *хольде* ‘горло’, ‘шея’ [там же: 270], об. Ч, вас. *оль* ‘горло’ [там же: 167], **камас.** *sǫi*, *sǫì* ‘шея, горло’ [Kamassisches Wörterbuch: 59], **нен. Т.** *сё* ‘горло; пищевод; голос; песня; протока’ [Терещенко 1965: 551], **нен. Л.** *шо* ‘горло; пищевод; голос; крик; песня’ [Бармич, Вэлло 2002: 156], **эн.** лесн. *со* ‘горло; пищевод; голос; песня’ [Сорокина, Болина 2009: 389], тундр. *sôô* ‘горло, пищевод; речка-протока’ [Хелимский Энецкий словарь].

Во всех группах тунгусо-маньчжурских языков зафиксирована полисемия ‘шея, горло’, что позволяет признать эту полисемию праязыковой: ПТМ **mon-*: **mongen* > **mongon*/*möngön* [Дыбо 1996: 250] ‘шея’ (эвенк., нег., ма., ульч., орок., нан., уд., ороч.), ‘горло’ (эвенк., ороч., нан., ма.) [ТМС 1: 546] > **эвенк.** *моӈон* П-Т, Е, Н (*моӈун* Олкм) ‘шея’, ‘горло’, ‘воротник’, **нан.** *моӈǫо*, *моӈǫо(н-)* ‘шея’, ‘горло’, **ма.** *моӈǫон* ‘шея (передняя часть)’, ‘горло, гортань’. В **орочском** *моӈо(н-)* имеет значения ‘шея’, ‘воротник’, а значение ‘горло’ передается производным с суффиксом *-кса*. От того же ПТМ корня **mon-* с другим суффиксом засвидетельствовано производное с полисемией ‘шея, горло’ в чжурчженьском: **monfen* > **чж.** *mei-fen* [Дыбо 1996: 250; ТМС 2: 538].

Основная лексема, передающая значение ‘горло, глотка’ в тунгусо-маньчжурских языках, — это ПТМ **bilga* ‘горло, глотка’ [EDAL: 344], но в орочском языке рефлекс этой праформы имеет значение ‘шея’: ороч. *бигга* ‘шея’, ‘пищевод’ [ТМС 1: 82].

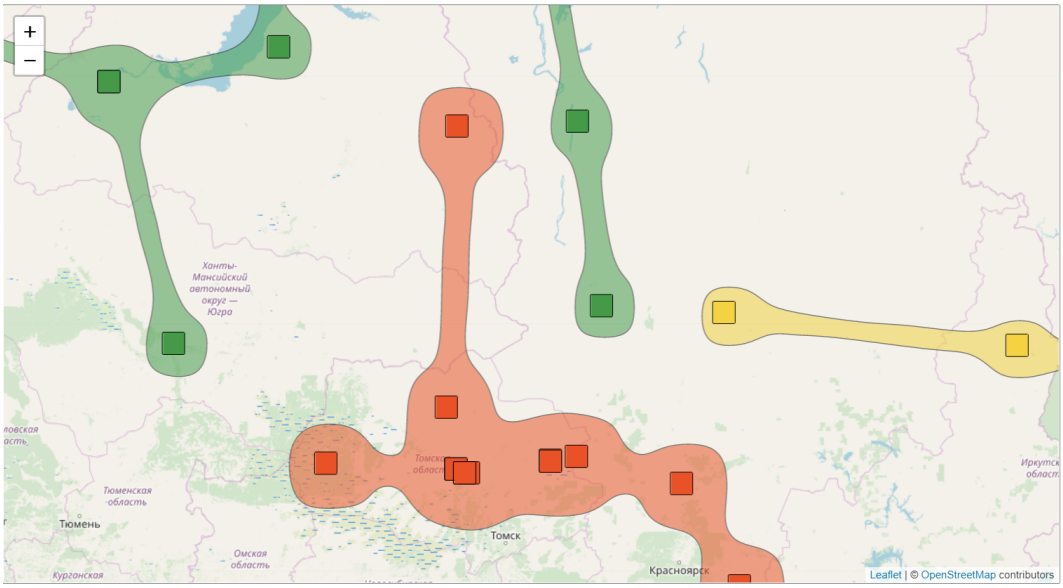
В другом пратунгусском корне со значением ‘шея’, ‘шейные позвонки’ (ПТМ **nīkзn*) наблюдается переход к значению ‘горло’ только в чумиканском диалекте эвенкийского языка [Дыбо 1996: 249].



‘шея, горло’

Самодийский ареал с полисемией ‘шея, горло’ (красный цвет) не выходит за пределы Северного полярного круга, он распространен в Туруханском районе Красноярского края, на юге Ямало-Ненецкого автономного округа, в Томской области и на юге Красноярского края. Тунгусский ареал (желтый цвет) сосредоточен на Дальнем Востоке: в Приморском крае и Северо-Восточном Китае, также отмечена полоса, образованная населенными пунктами на юге Якутии, Севере Иркутской области и в Красноярском крае, вплотную примыкающая к области распространения селькупского языка.

Самодийские языки и диалекты, в которых рефлексы ПС **soj* сохранили только значение ‘горло’ (зеленый цвет), дополняют общую картину. Ареалы с полисемией и утратой значения накладываются друг на друга: в Западной Сибири, где происходят контакты с носителями эвенкийского языка, полисемия сохраняется, а на севере Архангельской области и в Ямало-Ненецком автономном округе сохранилось только значение ‘горло’.



Качества

Хороший > красивый: *развитие значения в тунгусских языках, праязыковая полисемия в тундровом ненецком, энецком и селькупском*

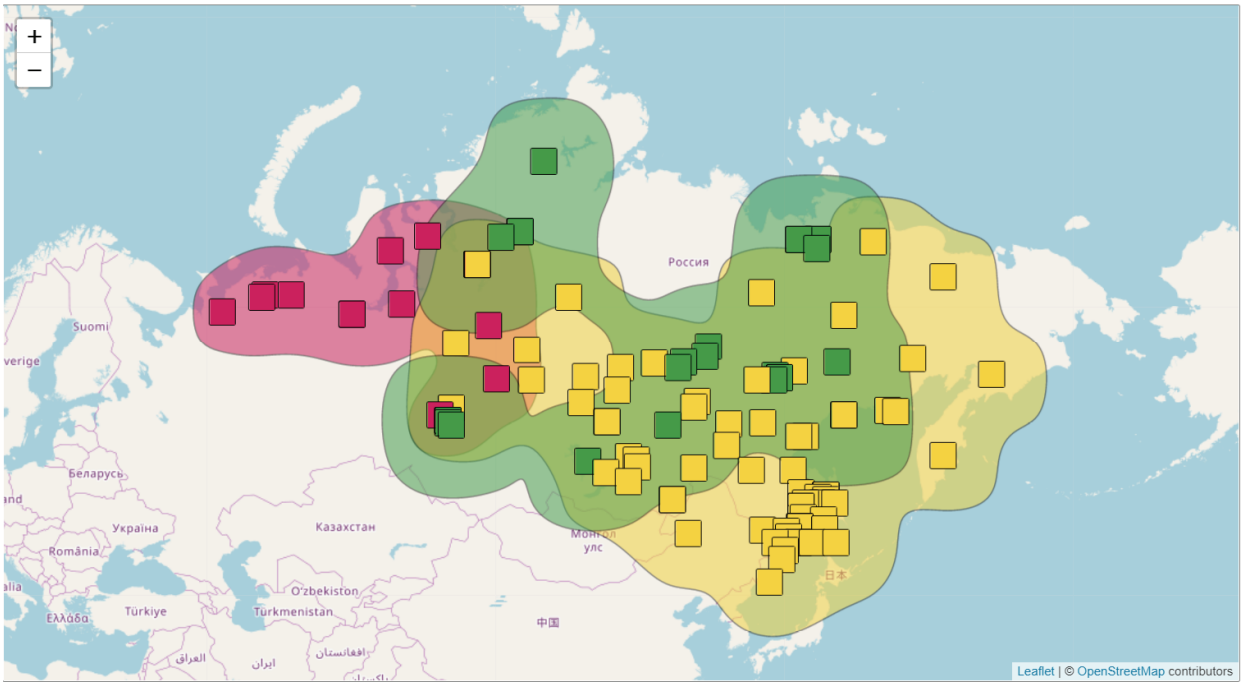
В тундровом ненецком языке Ю. Янхуненом отмечена полисемия ‘хороший, красивый’, появившаяся в результате развития значения от ‘хороший’: **нен. Т.** *сӑва* < ПС **sə̂må* ‘хороший’ [Janhunen 1977: 132—133; Терещенко 1965: 515—516], в лесном ненецком такого семантического перехода не отмечено: **нен. Л.** *хома* ‘хороший, милый; приятный; замечательный; удачный; добрый’ [Бармич, Вэлло 2002: 138]. Полисемия ‘хороший, красивый’ у рефлексов ПС **sə̂må* наблюдается также в энецком и селькупском языках, что позволяет поставить вопрос о переходе ‘хороший’ > ‘красивый’ еще на праязыковом уровне: **эн.** тундр. *sueда* ‘хороший; вкусный; красивый’, *sueдadoo*, *soụadoo* ‘хороший, красивый’, *seдus-* ‘быть красивым’, *sueдaku* ‘довольно хороший; красивый’ [Хелимский Энецкий словарь], лесн. *сойза* ‘порядок; добро, доброта’, ‘хороший, красивый, чудесный, приятный, милый, неплохой, удачный; опрятный; прилежный; спокойный (о погоде); удобный; свежий (неиспорченный); добрый’ [Сорокина, Болина 2009: 394—395], **сельк.** тым. *сува*, *суā* ‘хороший; красивый; здоровый’ при об. Ш *сава ~ сева*, об. Ш, тым. *сва*, об. Ч, вас. *фа*, *хва ~ хвā* ‘хороший’ [Быконя 2005: 215, 205, 209, 267, 269]. Как видно из перечисления значений, это слово с широким значением положительной характеристики, и ‘красивый’ является частным случаем положительной оценки.

В тунгусских языках такой семантический переход определяется в двух корнях:

1) в севернотунгусских: ПТМ **aja*, **aju-* ‘хороший’ (эвенк., эвен., нег., ульч., орок., нан., уд., ороч., сол.), ‘красивый’ (эвенк., эвен., нег., ороч.): **эвенк.**, **нег.** *aja* ‘хороший’, ‘добрый’, ‘красивый’, ‘здоровый’, ‘удобный’, ‘вкусный, сладкий’, **эвен.** *aj* Ол, Алл, Арм, Б, М, Ох, Ск, Т, К-О ‘хороший’, ‘добрый’, ‘красивый’, ‘удобный’, ‘полезный’, **ороч.** *aja* ‘хороший’, ‘красивый’ [ТМС 1: 18—20];

2) преимущественно в южнотунгусских: ПТМ **ulï* ‘хороший’ > **уд.** *uli-gdiγa* ‘красивый’, **ульч.** *ule*, **орок.** *uliŋ-ga* ‘хороший, красивый’, **нан.** *ulẽ*, *ule* ‘хороший, красивый’ [ТМС 2: 260—261].

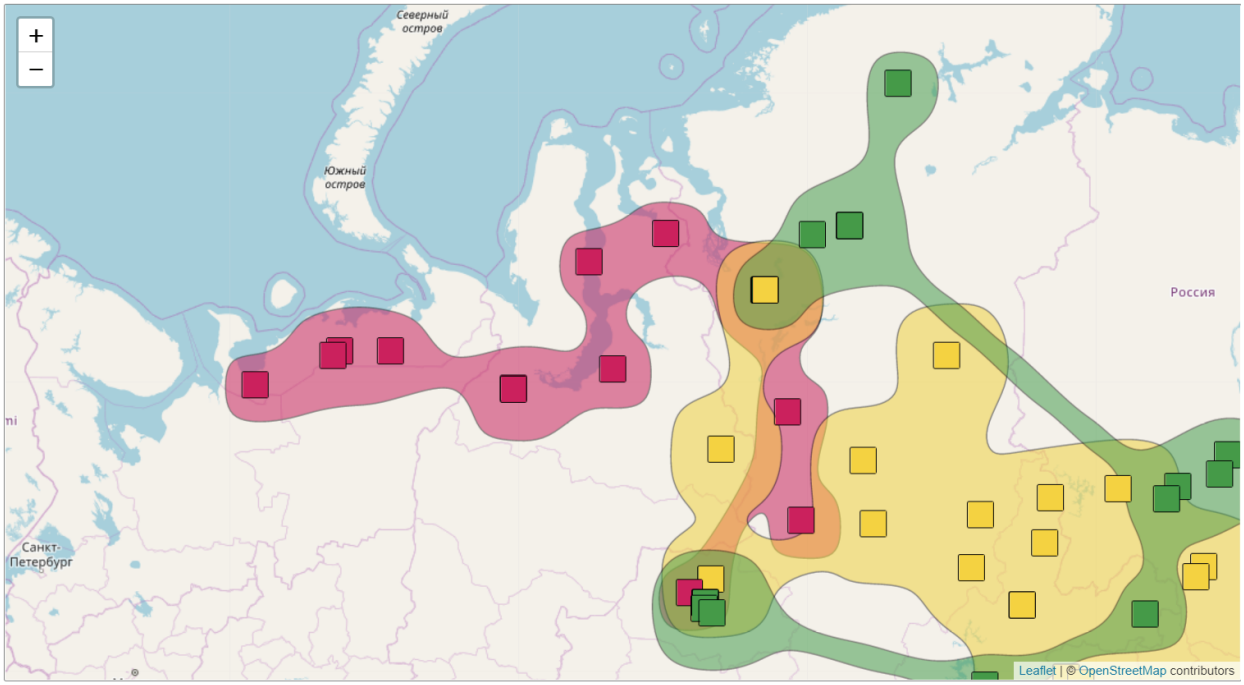
Также отмечена синхронная полисемия в контактных языках: **сельк.** нар. *kvɛ́ɕəɮəl* ‘хороший, красивый’ [Сл. нарым. диал. сельк. яз.], **нган.** *няагəə* ‘добрый, хороший, приятный; красивый’ [Словарь усть-авамского диалекта 2014], **як.** *üčügej* и **долган.** *üčügäj* ‘хороший; красивый’ [Дыбо 2013: 287].



‘хороший, красивый’

Самодийский ареал (красный цвет) расположен главным образом на севере — от Архангельской области до устья Енисея на территории распространения ненецкого языка и энецкого языков, а на юге доходит до Томской области (селькупский) и среднего течения Енисея в Красноярском крае (энецкий). Тунгусский ареал (желтый цвет) занимает весь Дальний Восток и всю Сибирь: во всех тунгусских язы-

ках, кроме орокского, зафиксирована праязыковая полисемия ‘хороший, красивый’. Ареалы пересекаются по течению Енисея, в местах соседского проживания эвенков и энцев, и в Томской области, где эвенки соседствуют с селькупами (для большей точности ниже приведен приближенный вариант карты в областях пересечения ареалов). Зеленым цветом изображена синхронная полисемия в контактных языках (нганасанский, якутский, долганский, нарымский диалект селькупского языка). Данная полисемия характерна для всей Сибири и Дальнего Востока.



Мягкий > теплый: ***семантический переход на праязыковом уровне в самодийских и тунгусских языках***

В самодийских языках на праязыковом уровне обнаруживается производное со значением ‘теплый’ от корня со значением ‘мягкий’: ПС **ju-* ‘мягкий’ (нган., эн., нен., сельк.), ‘становиться теплым, таять’ (нен., матор.) > ПС **jupa* ‘теплый’ (эн., нен., камас., тайг.) [Janhunen 1977: 47—48]. Рассмотрим рефлексы этих лексем и их значения: **ju-* > **камас.** *t'ulät* ‘греться’ [Janhunen 1977: 47], **нен. Т.** *юсь* ‘согреться; разогреться; расплавиться; растаять’ [Терещенко 1965: 818], **нен. Л.** *дюш* ‘согреться, обогреть; оттаять, растаять’ [Бармич, Вэлло 2002: 33], **jupa* > **нен. Т.** б.-з. *юбэй* ‘оттаявший, растаявший’ [Терещенко 1965: 810], **нен. Л.** *дюпа* ‘теплый; тепло’ [Бармич, Вэлло 2002: 32], **эн.** лесн. *дю́ба* ‘тепло, теплый’, *дю́би* ‘талый’, *дю́ба дя* ‘юг’ [Сорокина, Болина 2001: 34—35; Сорокина, Болина 2009: 121], *дюби*(*дь*) ‘потеплеть’ [Сорокина, Болина 2009: 121], тундр. *ďuba* ‘теплый (день, не чай), юг’ [Хелимский Энецкий словарь].

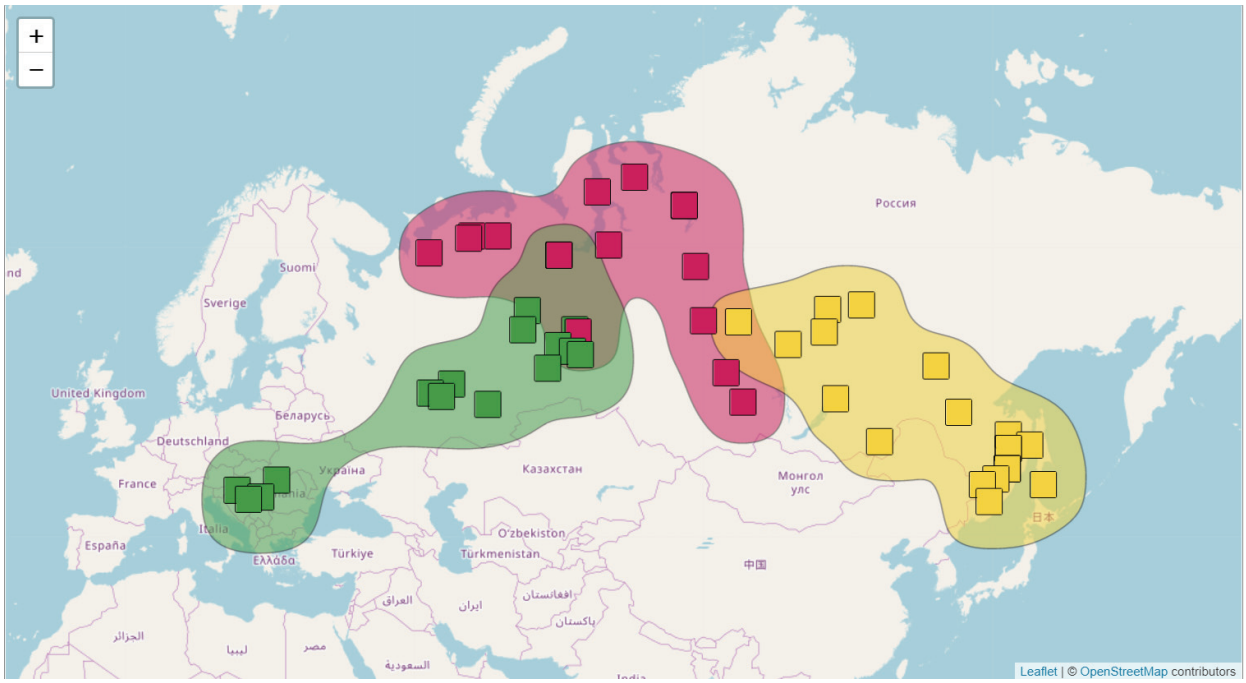
В тунгусских языках обратная ситуация: первичное значение ‘теплый’ и производные с семантикой ‘мягкий’. На карту нанесены только те языки, в которых произошел этот семантический переход. ПТМ **n'ume-*/**n'ama-*/**n'em-* ‘теплый’ (эвенк., сол., эвен., нег., ороч., уд., ульч., орок., нан.) [EDAL: 992; ТМС 1: 630—631, 652—653]: **эвенк.** *н´ама*, **нег.** *н´амагди*, **нан.** *н´ама* ‘теплый’ > **эвенк.** *н´эмумэ* П-Т, Алд, В, Вл, В-Л, Е, З, Н, Нак, Нрч, С-Б, Тк (*ǯэмумэ* И, Тк, *нэмумэ* Тк, *н´амума* С-Б, Хнг, Тит, *н´эмурмэ* П-Т) ‘мягкий, нежный (на ощупь)’, **нег.** *н´амӯ-н´амӯ ~ нэму-нэму* ‘мягкий (о ткани, шерсти, волосах, траве)’, ‘рыхлый (о снеге, хлебе и т. п.)’, **нан.** *нэму-нэму бӣ* (*нэмо-нэмо*, *нэмэри* диал.) ‘мягкий’, ‘ласковый’, диал. ‘добрый’.

В туркменском языке есть похожий переход: туркм. *majïl* ‘теплый’ < ПТ **bAńıl* ‘перезрелый, мягкий’ [Дыбо 2013: 518], но мы не отметили этот случай на карте, так как недостаточно подтверждений тому, что этот корень имел в праязыке значение ‘мягкий’.

Семантический переход ‘мягкий’ > ‘теплый’ есть и в других уральских корнях:

ПУ **leppV* ‘мягкий’ [UEW: 246] (фин., эст., мар.), ‘слабый’ (мокш., хант.) > ‘теплый’ горномар. *liwə*, мар. уржум. *lewe*, *lüpka*, бирск. *lewe* [UEW: 246], волжск. *léve* [Сл. волж. диал. мар. яз.];

ПУ **lońća-* ‘мягкий’ (саам., венг., хант., манс.) > ‘теплый’ хант. демьянск. *luńťə*, обдорск. *lońśi*, манс. тавд. *lańćəŋ*, конд., пелым. *lańśəŋ*, сосьв. *lońśəŋ*, венг. *lágy*, *langy*, *langyos* [UEW: 250], хант. низям. *ʎцɛəŋ* [Сл. низям. диал. хант. яз.], манс. юконд. *lanɛən* [Сл. юконд. диал. манс. яз.].



‘мягкий’ — ‘теплый’

Самодийский ареал (красный цвет) в основном локализован на севере Архангельской области и Западной Сибири, но доходит по течению Енисея до юга Красноярского края. Зеленым цветом отмечен семантический переход ‘мягкий’ > ‘теплый’ в других корнях уральских языков: в Западной Сибири — в мансийском и хантыйском языках (пересечение с ненецким в области Салехарда), в Поволжье — в марийских языках, в Восточной Европе — в венгерском языке. Тунгусский ареал (желтый цвет) примыкает к ареалу распространения энецкого языка и занимает большую территорию от Сахалина и Приморья до юга Якутии, севера Иркутской области и реки Подкаменная Тунгуска в Красноярском крае.

Выводы

Впервые проведен анализ семантических переходов, полисемии и синкретизма у слов из списка Сводеша для самодийских языков в сравнении с тюркскими и тунгусскими языками в синхронном и диахроническом аспектах. Акцент был сделан на выявлении ареалов, где возможны семантические переходы под влиянием контактных языков.

Исследование показало, что некоторые случаи полисемии и синкретизма широко распространены и не привязаны к какому-либо ареалу, а другие ограничены определенной областью. Для широких ареалов, занимающих территорию всей Евразии, характерны случаи полисемии ‘солнце, день’, ‘кожа, шкура’, ‘мягкий’ > ‘теплый’, ‘человек, мужчина’ (на периферии Евразии); для всей Сибири — случаи полисемии ‘хороший, красивый’, ‘песок’ > ‘галька’, ‘волосы, шерсть, перо’; для Западной Сибири — случаи полисемии ‘земля, почва’, ‘земля, почва’ > ‘глина’, ‘земля, почва’ > ‘песок’, ‘шея, горло’.

В корнях с праязыковой полисемией, не привязанной к конкретному ареалу, обнаружены семантические переходы, закрепленные на определенной территории: ‘кожа, шкура’ > ‘кора’ (Южная Сибирь, Западная Сибирь в бассейне Енисея), ‘земля, почва’ > ‘пепел’ (Южная Сибирь и Таймыр). Праязыковая самодийская полисемия ‘перо, крыло’ занимает узкий ареал в Западной Сибири, а в тунгусских языках распространена на всем Дальнем Востоке.

С экстралингвистическими факторами могут быть связаны семантические переходы в лексике, 1) связанной с хозяйственной деятельностью человека (‘кора’) и 2) обозначающей виды почв (‘песок’ в самодийских языках — на арктических и подзолистых почвах, ‘глина’ в тюркских языках — на серых лесных почвах и черноземах).

Всего из 100 позиций списка базисной лексики прасамодийского языка выявлено 15 параллелей праязыковой полисемии или семантических переходов, которые встречаются в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках [13]:

[13] В тюркских и тунгусских языках пока не обнаружено параллелей с 7 случаями прасамодийской полисемии и 14 семантическими переходами (полисемия: ‘давать, продавать’ [Janhunen 1977: 94], ‘еда, мясо’ [там же: 15], ‘об-

1) 5 самодийско-тюркских параллелей (‘мясо, тело’, ‘земля, почва’, ‘земля’ > ‘пепел’, ‘земля’ > ‘песок’, ‘земля’ > ‘глина’), преимущественно в тематической группе ‘почвы’;
2) 7 самодийско-тюркско-тунгусских параллелей (‘солнце, день’, ‘песок, галька’, ‘кожа, шкура’, ‘кожа, шкура’ > ‘кора’, ‘волосы / шерсть, перо’, ‘перо, крыло’, ‘человек, мужчина’), преимущественно в лексике, связанной с животным и растительным миром;
3) 3 самодийско-тунгусские параллели (‘шея, горло’, характеристики ‘хороший, красивый’ и ‘мягкий’ — ‘теплый’).

Таким образом, видно, что почти в половине случаев особенности полисемии или развития значений в стословном списке прасамодийского языка имеют аналоги в тюркских или тунгусских языках. Представляется, что дальнейшее исследование контактного развития значений в базисной лексике в других языках позволит ответить на вопросы о том, действительно ли эти явления обусловлены межъязыковыми контактами или они являются в части случаев лингвистическими фреквенталиями (возможно также, что речь идет о ностратической полисемии), и насколько часто семантические переходы в базисной лексике связаны с экстралингвистическими факторами.

Сокращения

вост. — восточное
диал. — диалектное
миф. — мифологическое

Языки и диалекты

Самодийские языки

ПС — прасамодийский язык
камас. — камасинский язык
карагас. — карагасский язык (или карагасский диалект маторского языка)
койб. — койбальский язык
матор. — маторский язык (аб. — «абаканский» диалект)
нган. — нганасанский язык
нен. Л. — лесной ненецкий язык
нен. Т. — тундровый ненецкий язык (б.-з. — большеземельский говор, ямал. — ямальский говор)
сельк. — селькупский язык (вас. — васюганский диалект, верхнетолькин. — верхнетолькинский диалект, ел. — елогуйский говор, кет. — кетский диалект, нар. — нарымский диалект, нча — нижнечаинский диалект, об. — обский ареал, об. С —обские говоры Сюсюкум, об. Ч — обские говоры Чумылькуп, об. Ш — обские говоры Шёшкум и Шёшкуп, таз. — тазовский диалект, томск. — томский диалект, тур. — туруханский говор, тым. — тымский диалект)
тайг. — тайгийский язык (или тайгийский диалект маторского языка)
эн. — энецкий язык (лесн. — лесной диалект, тундр. — тундровый диалект, юрацк. — юрацкий диалект)

Другие уральские языки

венг. — венгерский язык
манс. — мансийский язык (юконд. — юкондинский диалект, тавд. — тавдинский диалет, конд. — кондинский диалект, пелым. — пелымский диалект, сосьв. — сосьвинский диалект)
мар. — марийские языки (горномар. — горномарийский язык, уржум. — уржумский говор, бирск. — бирский говор, волжск. — волжский говор)

лако, тень’ [там же: 162] + семантический переход > ‘небо’ в камасинском, ‘идти, встречать’ [там же: 38—39], ‘приходить, достигать’ [там же: 164], ‘червь, змея’ [там же: 132]; семантические переходы: ‘длинный’ > ‘верх’ в маторском [там же: 37], ‘знать’ > ‘думать’ в камасинском, ‘гадать’ в маторском [там же: 157], ‘знать’ > ‘угадывать’, ‘понимать’, ‘знакомиться’ [там же: 167], ‘огонь’ > ‘огниво’ в маторском [там же: 166], ‘камень’ > ‘скала’ в маторском, ‘камень’ > ‘банка, бутылка’ в тундровом ненецком [там же: 112], ‘шея’ > ‘плечо’ в селькупском, ‘затылок’ в камасинском [там же: 173], ‘дым’ > ‘пар’ в ненецком, производное ‘туман’ [там же: 79], ‘голова’ > ‘раньше’ в энецком [там же: 29], ‘есть (принимать пищу)’ > ‘жить’ в камасинском [там же: 15], ‘ломать’ > ‘грызть’ в южных самодийских [там же: 86], ‘лист, лопасть’ > ‘колос’ в маторском [там же: 86], ‘червь’ > ‘блоха’, ‘жук’ в камасинском [там же: 34], ‘сидеть’ > ‘ехать’ в камасинском [там же: 163], ‘живот, желудок человека или животных’ > ‘зоб’ в ненецком [там же: 122]). Следует отметить, что большая часть этих случаев имеет параллели в финно-угорских языках, см. [UEW].

мокш. — мокшанский язык
саам. — саамские языки
фин. — финский язык
хант. — хантыйский язык (низям. — низямский диалект, демьянск. — демьянский диалект, обдорск. — обдорский диалект)
эст. — эстонский язык

Тюркские языки
ПТ — пратюркский язык
ПОТ — праобщетюркский язык
аз. — азербайджанский язык
алт. — алтайский язык (куманд. — кумандинский, теленг. — теленгитский, телеут. — телеутский, тубалар. — тубаларский, челкан. — челканский)
башк. — башкирский язык
гаг. — гагаузский язык
долган. — долганский язык
др.-тюрк. — древнетюркский
др.-уйг. — древнеуйгурский
казах. — казахский язык
кар. — караимский язык
кбалк. — карачаево-балкарский язык
кирг. — киргизский язык
ккалп. — каракалпакский язык
крх.-уйг. — караханидско-уйгурский язык
крым.-тат. — крымско-татарский язык
кумык. — кумыкский язык
ног. — ногайский язык
нуйг. — новоуйгурский язык
сал. — саларский язык
сиб.-тат. — сибирско-татарский язык
сюг. — сары-югурский язык
тат. — татарский язык
тоф. — тофаларский язык
тув. — тувинский язык (кунгуртуг. — кунгуртугский диалект, нарын. — нарынский диалект, эрзин. — эрзинский диалект)
тур. — турецкий язык
туркм. — туркменский язык
узб. — узбекский язык
уйг. — уйгурский язык
хакас. — хакасский язык (пилтир. — бельтирский диалект хакасского языка)
халадж. — халаджский язык
чагат. — чагатайский язык
чув. — чувашский язык
чулым. — чулымский язык
шор. — шорский язык
як. — якутский язык

Тунгусо-маньчжурские языки
ПТМ — пратунгусо-маньчжурский язык
ПТунг — пратунгусский язык
ма. — маньчжурский язык
нан. — нанайский язык
нег. — негидальский язык
орок. — орокский язык
ороч. — орочский язык
сол. — солонский язык
уд. — удэгейский язык

ульч. — ульчский язык
чж. — чжурчженьский язык
эвен. — эвенский язык (Алл — аллаиховский говор среднего наречия, Арм — арманский диалект, Б — быстринский говор восточного наречия, К-О — колымско-омолонский говор восточного наречия, М — момский говор среднего наречия, Ол — ольский говор восточного наречия, Ох — охотский говор восточного наречия, П — пенжинский говор восточного наречия, Ск — саккырырский говор западного наречия, Т — томпонский говор среднего наречия)
эвенк. — эвенкийский язык (А — аянский говор восточного наречия, Алд — алданский говор восточного наречия, Брг — баргузинский говор южного наречия, В — ванаварский говор южного наречия, В-Л — верхоленский говор южного наречия, Вл — вилюйский говор восточного наречия, Д — дудинский говор северного наречия, Е — ербогоченский говор северного наречия, З — зейский говор восточного наречия, И — илимпийский говор северного наречия, К — качугский говор восточного наречия, М — майский говор восточного наречия, Н — непский говор южного наречия, Нак — наканновский говор северного наречия, Нрч — нерчинский говор восточного наречия, Олкм — олекминские говоры восточного наречия, П-Т — подкаменнотунгусские говоры южного наречия, С — сымский говор южного наречия, С-Б — северо-байкальский говор южного наречия, Сх — сахалинские говоры восточного наречия, Тк — токкинский говор восточного наречия, Ткм — токминский говор южного наречия, Тнг — тунгирский говор восточного наречия, Тт— тоттинский говор восточного наречия, Урм — урмийский говор восточного наречия, Учр — учурский говор восточного наречия, Хнг — хинганский говор восточного наречия, Члм — чульманский говор восточного наречия, Чмк — чумиканский говор восточного наречия)

Русский язык и его говоры
рус. — русский язык (брян. — брянский говор, калуж. — калужский говор, смол. — смоленский говор)

Литература

Аникин, Хелимский 2007 — *Аникин А. Е.*, *Хелимский Е. А.* Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М., 2007. {*Anikin A. Ye.*, *Helimski E. A.* Samoyed-Tungus-Manchu lexical links. M., 2007.}

Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. {*Apresyan Yu. D.* Selected works, vol. 1. Lexical semantics. 2nd edition, revised and extended. M., 1995.}

Арбалдаев — Словарь кетского диалекта селькупского языка (Арбалдаев В. В.). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Ket dialect of Selkup (Arbaldayev V. V.).}

Бармич, Вэлло 2002 — *Бармич М. Я.*, *Вэлло И. А.* Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект). Пособие для учащихся начальной школы. 2-е издание, доработанное. СПб., 2002. {*Barmich M. Ya.*, *Vello I. A.* Nenets-Russian and Russian-Nenets dictionary (Forest dialect). Textbook for elementary school students. 2nd edition, extended. SPb., 2002.}

Башк. Конюково — Говор д. Конюково (Әрәмауыл) (Носитель – Акбашева Разифа Имаметдиновна, 1938 г. р. Бардымский район, Пермский край). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dialect of Konyukovo village (native speaker Akbasheva Razifa Imametdinova, born 1938, Bardym district, Perm kray).}

Башкирский поэтический корпус. http://web-corpora.net/bashcorpus/search/ {Bashkir poetic corpus.}

Будянская, Казакевич — Словарь кетского диалекта селькупского языка (собран от Ф. П. Зубрекова, подготовлен *Е. М. Будянской*, *О. А. Казакевич*). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Ket dialect of Selkup (gathered from F. P. Zubrekov, compiled by *E. M. Budyanskaya*, *O. A. Kazakevich*).}

Быконя и др. 2005 — *Быконя В. В.*, *Кузнецова Н. Г*, *Максимова Н. П.* Селькупско-русский диалектный словарь. Томск, 2005. {*Bykonya V. V.*, *Kuznetsova N. G.*, *Maksimova N. P.* Selkup-Russian dialectal dictionary. Tomsk, 2005.}

Вендина 2014 — *Вендина Т. И.* Типология лексических ареалов Славии. М.—СПб., 2014. {*Vendina T. I.* Typology of lexical areas of Slavia. M.—SPb., 2014.}

Говор д. Итеево (Носитель — Василя Нуриханoвна Габделхакова, 1930 г. р. Илишевский район, Башкортостан). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dialect of village Iteyevo (Native speaker — Vasilya Nurikhanovna Gabdelkhakova, born 1930, Ilishevo district, Bashkortostan).}

Говор д. Мунтово (Носитель – Батманова Диляра Анваровна, 1965 г. р. Касимовский район, Рязанская область. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dialect of village Muntovo (Native speaker — Batmanova Dilyara Anvarovna, born 1965, Kasimovo district, Ryazan region).}

Григоровский 2007 — Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского / Обработка и издание Евгения Хелимского. Гамбург, 2007. {Südselkupisches Wörterbuch von N. P. Grigirovski / Bearbeitet und herausgegeben von Eugen Helimski. Hamburg, 2007. — South Selkup dictionary by N. P. Grigorovsky / Adapted and published by Evgeny Helimski. Hamburg, 2007.}

Диденко, Дубровская 2012 — *Диденко А. В.*, *Дубровская Н. В.* Проблемы и задачи комплексного изучения и описания семантической деривации существительных в диалектах селькупского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012, 1 (116). С. 87—91. {*Didenko A. V.*, *Dubrovskaya N. V.* Problems and tasks of complex studying and survey of semantic derivation of nouns in Selkup dialects // Bulletin of Tomsk State Pedagogical university. 2012, 1 (116). P. 87—91.}

Дубровская 2010 — *Дубровская Н. В.* Семантическая структура существительного в связи с типологией производных значений: слова широкого и общего значения в селькупском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010, 7 (97). С. 84—87. {*Dubrovskaya N. V.* Nominal semantic structure in relation with typology of derivative meanings: words with broad and general meanings in Selkup // Bulletin of Tomsk State Pedagogical university. 2010, 7 (97). P. 84—87.}

Дубровская 2011 — *Дубровская Н. В.* Особенности семантической деривации некоторых соматических терминов в диалектах селькупского языка // Урало-алтайские исследования. 2011, 2 (5). С. 39—52. {*Dubrovskaya N. V.* Features of semantic derivation of some somatic terms in the Selkup dialects // Ural-Altaic studies. 2011, 2 (5). P. 39—52.}

Дунин-Горкавич — Словарь Русско-Самоедский, автор А. А. Дунин-Горкавич, 1910 г. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Russian — Samoyed dictionary, author A. A. Dunin-Gorkavich, 1910.}

Дыбо 1996 — *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. М., 1996. {*Dybo A. V.* Semantic reconstruction in Altaic etymology. M., 1996.}

Дыбо 2005 — *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция: мир праалтайцев по данным сравнительно-исторического языкознания // Труды Отделения историко-филологических наук / Отв.ред. акад. А. П. Деревянко. М., 2005. С. 165—180. {*Dybo A. V.* Semantic reconstruction: the world of Proto-Altaic people based on the data of comparative linguistics // Proceedings of the Department of History and Philology / Ed. A. P. Derevyanko. M., 2005.}

Дыбо 2007 — *Дыбо А. В.* Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд: пратюркский период. М., 2007. {*Dybo A. V.* Linguistic contacts of Early Turks. Lexicon of Proto-Turkic era. M., 2007.}

Дыбо 2011 — *Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: лексика конкретного словаря // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М., 2011. С. 359—391. {*Dybo A. V.* Semantic reconstruction in Altaic etymology: lexis of concrete lexicon // Word and language. Collected papers in honor of Yu. D. Apresyan's 80th birthday. M., 2011. P. 359—391.}

Дыбо 2013 — *Дыбо А. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана, 2013. {*Dybo A. V.* Etymological dictionary of Turkic languages. Vol. 9 (additional). Etymological dictionary of Turkic core lexicon. Astana, 2013.}

Дыбо, Норманская 2010 — *Дыбо А. В.*, *Норманская Ю. В.* Прасамодийская лексика материальной культуры // Тезисы Третьей международной конференции по самодийским языкам. Новосибирск, 2010. С. 71—85. {*Dybo A. V.*, *Normanskaya Yu. V.* Proto-Samoyed lexicon of material culture // Abstracts of the Third international conference on the Samoyedic languages. Novosibirsk, 2010. P. 71—85.}

Дыбо, Норманская 2014 — *Дыбо А. В.*, *Норманская Ю. В.* К исторической типологии названий оружия в уральских и алтайских языках // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014, 2. С. 84—100. {*Dybo A. V.*, *Normanskaya Yu. V.* Towards historical typology of armour nomenclature in the Uralic and Altaic languages // Bulletin of Russian Humanities scientific fund. 2014, 2. P. 84—100.}

Зализняк 2001 — *Зализняк Анна А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001, 2. С. 13—25. {*Zalizniak Anna A.* Semantic derivation in synchrony and diachrony: a project for "Catalogue of semantic shifts" // Voprosy jazykoznanija. 2001, 2. P. 13—25.}

Зализняк 2004 — *Зализняк Анна А.* Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004, 2. С. 20—45. {*Zalizniak Anna A.* The phenomenon of polysemy and ways of its description // Voprosy jazykoznanija. 2004, 2. P. 20—45.}

Зализняк 2009 — *Зализняк Анна А.* О понятии семантического перехода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27—31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М., 2009. С. 107—111. {*Zalizniak Anna A.* On the notion of semantic shift // Computational linguistics and intellectual technologies: Proceeding of annual international conference "Dialogue 2009" (Bekasovo, May 27—31 2009). Vol. 8 (15). M., 2009. P. 107—111.}

Зализняк 2013 — *Зализняк Анна А.* Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013, 2. С. 32—51. {*Zalizniak Anna A.* Semantic shift as an object of typology // Voprosy jazykoznanija. 2013, 2. P. 32—51.}

Зализняк 2018 — *Зализняк Анна А.* Каталог семантических переходов: 20 лет спустя // Russian Journal of Linguistics. 2018, 4. P. 770—787. {*Zalizniak Anna A.* The catalogue of semantic shifts: 20 years later // Russian Journal of Linguistics. 2014, 4. P. 770—787.}

Казакевич, Будянская 2010 — *Казакевич О. А.*, *Будянская Е. М.* Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург, 2010. {*Kazakevich O. A.*, *Budyanskaya E. M.* Dialectological dictionary of the Selkup language (Northern dialect). Ekaterinburg, 2010.}

Клапрот камас. — Словарь камасинского языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Kamas, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот нен. обдор. — Словарь обдорского диалекта ненецкого языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Obdorsk dialect of Nenets, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот нен. пустозер. — Словарь пустозерского диалекта ненецкого языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Pustozersk dialect of Nenets, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот нен. юрак. — Словарь юракского диалекта ненецкого языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Yurak dialect of Nenets, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот сельк. карасин. — Словарь карасинского диалекта селькупского языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Karasino dialect of Selkup, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот сельк. томск. — Словарь томского диалекта селькупского языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Tomsk dialect of Selkup, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот тавг. — Словарь тавгийского диалекта нганасанского языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Tavgi dialect of Nganasan, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот тайг. — Словарь тайгийского языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Taigi, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот эн. турухан. — Словарь туруханского диалекта энецкого языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Turuchan dialect of Enets, compiled by J. Claproth in 1823.}

Клапрот эн. мангаз. — Словарь мангазейского диалекта энецкого языка, собранный Ю. Клапротом в 1823 году. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Mangazeya dialect of Enets, compiled by J. Claproth in 1823.}

Коряков 2018 — *Коряков Ю. Б.* Проблема «язык или диалект» и самодийские языки // Урало-алтайские исследования. 2018, 4. С. 156—217. {*Koryakov Yu. B.* “Language vs. dialect” question and the Samoyedic languages // Ural-Altaic studies. 2018, 4. P. 156—217.}

Костеркина и др. 2001 — Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский / Н. Т. Костеркина, А. Ч. Момде, Т. Ю. Жданова; В. Ю. Гусев — отв. ред. СПб., 2001. {Nganasan-Russian and Russian-Nganasan dictionary / N. T. Kosterkina, A. Ch. Momde, T. Yu. Zhdanova; edited by V. Yu. Gusev. SPb., 2001.}

Крымско-татарско-русский словарь 1902 — Крымско-татарско-русский словарь, 1902, и Русско-татарский (крымско-татарский), 1906. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Crimean Tatar — Russian dictionary, 1902, and Russian-Tatar (Crimean Tatar), 1906.}

Мызников 2004 — *Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004. {*Myznikov S. A.* Lexis of Finni-Ugric origin in Russian dialects of the North-West. Etymological and linguageographical analysis. SPb., 2004.}

Народы Сибири — Народы Сибири. Этнографические очерки / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М. — Л., 1956. {Peoples of Siberia. Ethnographical surveys / Eds. M. G. Levin, L. P. Potapov. M. — L., 1956.}

Норманская 2005 — *Норманская Ю. В.* Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М., 2005. {*Normanskaya Yu. V.* Genesis and evolution of colour systems in Indo-European languages. M., 2005.}

Норманская 2006 — *Норманская Ю. В.* Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрок по данным флористической лексики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык. Картина мира пратюрка. М., 2006. С. 387—436. {*Normanskaya Yu. V.* Vegetation. Trees and bushes. A geographical allocation of the Turkic homeland by floral lexis data // A comparative-historical grammar of the Turkic languages. The Proto-Turkic language. A Proto-Turk’s worldview. M., 2006. P. 387—436.}

Норманская 2008a — *Норманская Ю. В.* Этимологии названий снега в сибирских (уральских и тюркских) языках // Сборник статей Всероссийской конференции «Подвижники сибирской филологии: В. А. Аврорин, Е. И. Убрятова, В. М. Наделяев». Новосибирск, 2008. {*Normanskaya Yu. V.* Etymology of snow nomenclature in Siberian (Uralic and Turkic) langages // Proceedings of All-Russian conference “Enthusiasts of Siberian philology: V. A. Avrorin, E. I. Ubryatova, V. M. Nadelyaev”. Novosibirsk, 2008.}

Норманская 2008b — *Норманская Ю. В.* Реконструкция пратюркской системы названий климатических явлений и ее анализ с точки зрения диахронической лексической типологии // Природное окружение и материальная культура пратюркского этноса. М., 2008. С. 68—100. {*Normanskaya Yu. V.* A reconstruction of Proto-Turkic system of names for climate phenomena and its analysis from the view of diachronical lexical typology // Natural surroundings and material culture of the Proto-Turkic ethnos. M., 2008. P. 68—100.}

Норманская 2008c — *Норманская Ю. В.* Реконструкция названий растений в уральских языках и верификация локализации прародин уральских языков (прауральского, прасамодийского, прафинноугорского, прафинноперм-ского, праугорского, прафинноволжского) // Аспекты компаративистики. Orientalia et Classica. 2008, 3. С. 679—734. {*Normanskaya Yu. V.* A reconstruction of plant nomenclature in the Uralic languages and verification of placing homelands of the Uralic Proto-languages (Proto-Uralic, Proto-Samoyed, Proto-Finno-Ugric, Proto-Finno-Permic, Proto-Ugric, Proto-Finno-Volgaic) // Aspects of comparative studies. Orientalia et Classica. 2008, 3. P. 679—734.}

Норманская 2008d — *Норманская Ю. В.* Анализ некоторых условий появления многозначности на материале названий метеорологических явлений в тюркских и уральских языках // Аспекты алтаистики. 2008, 4. {*Normanskaya Yu. V.* Analysis of some conditions for appearance of polysemy based on the names of meteorological phenomena in Turkic and Uralic languages // Aspects of Altaic studies. 2008, 4.}

Норманская 2010 — *Норманская Ю. В.* Происхождение оленеводства у хантов (Комментарии к статье Ониной С. В. Лексико-семантические группы названий оленей) // Урало-алтайские исследования. 2010, 2. С. 79—85. {*Normanskaya Yu. V.* Origins of Khanty reindeer breeding (A commentary on the paper by Onina S. V. Lexico-semantic groups of reindeer names) // Ural-Altaic studies. 2010, 2. P. 79—85.}

Норманская 2015 — *Норманская Ю. В.* Условия семантических переходов в названиях рыб и птиц (на материале уральских и тюркских языков) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Том 13. Вып. 1. С. 21—35. {*Normanskaya Yu. V.* Conditions for semantic shifts in the names of fish and birds (based on the Uralic and Turkic languages) // Novosibirsk State University Bulletin. Linguistics and intercultural communication series. 2015. Vol. 13. Iss. 1. P. 21—35.}

Норманская, Дыбо 2010 — *Норманская Ю. В.*, *Дыбо А. В.* Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских языках. М., 2010. {*Normanskaya Yu. V.*, *Dybo A. V.* Thesaurus. Lexicon of natural surroundings in the Uralic languages. M., 2010.}

Норманская, Красикова 2009 — *Норманская Ю. В.*, *Красикова Н. Л.* Некоторые причины семантических изменений (на материале генезиса и развития системы глаголов плавания в селькупском языке) // Урало-алтайские исследования. 2009, 1. С. 49—60. {*Normanskaya Yu. V.*, *Krasikova N. L.* Some reasons of the semantic changes (on the material of genesis and development of the verbs of swimming in Selkup language) // Ural-Altaic studies. 2009, 1. P. 49—60.}

Письм. корпус тат. яз. — Письменный корпус современного татарского языка. http://www.corpus.tatar/ {Written corpus of contemporary Tatar.}

Пчелинцев, Дыбо — *Пчелинцев Д. М.*, *Дыбо А. В.* Словарь кунгуртугского говора тувинского языка. http://lingvodoc.ispras.ru/ {*Pchelintsev D. M.*, *Dybo A. V.* Dictionary of Kungurtug dialect of Tuvan.}

СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М., 2001. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Lexicon. 2nd edition, extended. M., 2001.}

Сл. верхнетолькин. диал. сельк. яз. — Словарь верхнетолькинского (северного) диалекта селькупского языка (собран от Кунина И. В., Быстринка 2011). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Upper Tolka dialect of Selkup (from Kunin I. V., Bystrinka 2011).}

Сл. волж. диал. мар. яз. — Словарь волжского диалекта марийского языка. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Volga dialect of Mari.}

Сл. нарым. диал. сельк. яз. — Словарь нарымского диалекта селькупского языка (И. А. Коробейникова). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Narym dialect of Selkup (I. A. Korobeynikova).}

Сл. нарын. диал. тув. яз. — *Пчелинцев Д. М.*, *Дыбо А. В.* Словарь нарынского диалекта тувинского языка (информант Мадыр-оол Кежиктиг). http://lingvodoc.ispras.ru/ {*Pchelintsev D. M.*, *Dybo A. V.* Dictionary of Naryn dialect of Tuvan (native speaker Madyr-ool Kezhiktig).}

Сл. низям. диал. хант. яз. — Словарь низямского диалекта хантыйского языка. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Nizyam dialect of Khanty.}

Сл. тогур. гов. сельк. яз. — Словарь тогурского говора селькупского языка (идиолект Феоны Федоровны Тобольжиной). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Togur dialect of Selkup (idiolect of Feona Fedorovna Tobolzhina).}

Сл. юконд. диал. манс. яз. — Словарь юкондинского диалекта мансийского языка. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Yukonda dilect of Mansi.}

Словарь вадеевского диалекта — Словарь вадеевского диалекта нганасанского языка 1970-х годов (с. Кресты). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Vadeyev dialect of Nganasan of 1970s (village Kresty).}

Словарь гыданского диалекта тундрового ненецкого языка. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Gyda dialect of Tundra Nenets.}

Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Балыкча, П. П. Андадикова). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Telengit dialect of the Altay language (Balykcha, P. P. Andadikova).}

Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Балыкча, Мария). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Telengit dialect of the Altay language (Balykcha, Maria).}

Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, Б. Г. Дадыянова). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Telengit dialect of the Altay language (Dzhazator dialect, B. G. Dadyyanova).}

Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, А. П. Минчинова). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Telengit dialect of the Altay language (Dzhazator dialect, A. P. Minchinova).}

Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, А. И. Садуков). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Telengit dialect of the Altay language (Dzhazator dialect, A. I. Sadukov).}

Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, Т. И. Садукова). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Telengit dialect of the Altay language (Dzhazator dialect, T. I. Sadukova).}

Словарь теленгитского диалекта алтайского языка (говор с. Джазатор, Н. В. Сосова). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Telengit dialect of the Altay language (Dzhazator dialect, N. V. Sosova).}

Словарь тубаларского идиома, говор нп Усть-Пыжа. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Tubalar (Ust'-Pyzha).}

Словарь усть-авамского диалекта 1970-е — Словарь усть-авамского диалекта нганасанского языка 1970-х годов (Е. Н. Совалова). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Ust-Avam dialect of Nganasan 1970s (E. N. Sovalova).}

Словарь усть-авамского диалекта 2014 — Словарь усть-авамского диалекта нганасанского языка 2014 (Волочанка). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Ust-Avam dialect of Nganasan 2014 (Volochanka).}

Словарь усть-канского говора — Словарь усть-канского говора диалекта алтай-кижи алтайского языка (г. Горно-Алтайск, Надя). http://lingvodoc.ispras.ru/ {Dictionary of Ust-Kan dialect of Altai-Kizhi, Altay (Gorno-Altaysk, Nadya).}

Сорокина, Болина 2001 — *Сорокина И. П.*, *Болина Д. С.* Словарь энецко-русский и русско-энецкий: Пособие для уч-ся нач. шк. СПб., 2001. {*Sorokina I. P.*, *Bolina D. S.* Enets-Russian and Russian-Enets dictionary: A reference for primary schools. SPb., 2001.}

Сорокина, Болина 2009 — Энецкий словарь с кратким грамматическим очерком: около 8 000 слов / *И. П. Сорокина*, *Д. С. Болина*. СПб., 2009. {*Sorokina I. P.*, *Bolina D. S.* Enets dictionary with a short grammatical survey. SPb., 2009.}

Среднечулымский язык — *Савельев А. В.* Среднечулымский язык (мелетский диалект, К. П. Сергеева). http://lingvodoc.ispras.ru/ {*Savelyev A. V.* Middle-Chulym language (Melet dialect, K. P. Sergeeva).}

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1—23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24—46), С. А. Мызников (вып. 47—49). Л., СПб., 1966—2016. {Dictionary of Russian dialects / Ed. by F. P. Filin (vol. 1—23), F. P. Sorokoletov (vol. 24—46), S. A. Myznikov (vol. 47—49). L., SPb., 1966—2016.}

Терентьев 1999 — *Терентьев В. А.* Древнейшие тюркско-самодийские языковые контакты // JSFOu. 1999, 88. С. 173—200. {*Terentyev V. A.* The earliest Turkic-Samoyed language contacts // JSFOu 1999, 88. P. 173—200.}

Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {*Tereshchenko N. M.* Nenets-Russian dictionary. M., 1965.}

ТМС — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. В 2-х томах / Отв. ред. В. И. Цинциус. Т. 1—2. Л., 1975—1977. {A comparative dictionary Tungus-Manchu languages: Materials for an etymological dictionary / Ed. by V. I. Tsintsius. Vol. 1—2. L., 1975—1977.}

Хелимский 1982 — *Хелимский Е. А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. Лингвистическая и этногенетическая интерпретация. М., 1982. {*Helimski E. A.* The earliest Hungarian-Samoyed linguistic parallels. Linguistic and ethnogenetic interpretation. M., 1982.}

Хелимский 2007 — *Хелимский Е. А.* Северноселькупский словарь. Hamburg, 2007. {*Helimski E. A.* Northern Selkup dictionary. Hamburg, 2007.}

Хелимский Нганасанский словарь — *Хелимский Е. А.* Материалы к словарю нганасанского языка (неопубликованная работа) {*Helimski E. A* Materials for the Nganasan dictionary (unpublished).}

Хелимский Энецкий словарь — *Хелимский Е. А.* Материалы к словарю энецкого языка (с дополнениями А. Урманчиевой по лесному диалекту) // https://www.slm.uni-hamburg.de/ifuu/download/helimski-enzisch.zip, 2018. {*Helimski E. A.* Materials for the Enets dictionary (with additions by A. Urmanchieva on the Forest dialect) // https://www.slm.unihamburg.de/ifuu/download/helimski-enzisch.zip, 2018.}

Шеймович и др. — *Шеймович А. В.*, *Бронникова Д. К.*, *Пчелинцев Д. М.* Словарь эрзинского диалекта тувинского языка (quasisymphonia). http://lingvodoc.ispras.ru/ {*Sheymovich A. V.*, *Bronnikova D. K.*, *Pchelintsev D. M.* Dictionary of Erzin dialect of Tuvan (quasisymphonia)}

ЭСТЯ — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974—1980. Т. I—III; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ӂ», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. М., 1989 [Т. IV]; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Ҟ» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 1997 [Т. V]; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Ҟ» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 2000 [Т. VI]; Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо, Д. М. Насилов, Е. А. Поцелуевский. Ì., 2003 [VII]. {Etymological Dictionary of Turkic Languages. M., 1974—2003. Vol. 1—7. Authors: Sevortyan E. V. (Vol. 1—3), Sevortyan E. V., Levitskaya L. S. (Vol. 4), Levitskaya L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. (Vol. 5—6), Levitskaya L. S., Blagova G. F., Dybo A. V., Nasilov D. M., Potseluevskiy E. A. (Vol. 7).}

Эуштинский диалект сибирско-татарского языка. http://lingvodoc.ispras.ru/ {Eushta dialect of Siberian Tatar.}

CLICS — *List J.-M.*, *Greenhill S.*, *Anderson C.*, *Mayer T.*, *Tresoldi T.*, *Forkel R.* (eds.) Database of Cross-Linguistic Colexifications. Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History // http://clics.clld.org, 2018.

Croft et al. 2009 — *Croft W.*, *Beckner C.*, *Suttan L.*, *Wilkins J.*, *Bhattacharya T.*, *Hruschka D.* Quantifying semantic shift for reconstructing language families. Talk held at the 83rd Annual Meeting of the Linguistic Society of America. 2009.

Dellert 2014 — *Dellert J.* Evaluating Cross-Linguistic Polysemies as a Model of Semantic Change for Cognate Finding. Workshop on semantic technologies for research in the humanities and social sciences (STRiX). November 24—25 2014, Gothenburg, Sweden.

Dubrovskaya 2014 — *Dubrovskaya N. V.* The peculiarities of semantic derivation of noun structure in Selkup // Ural-Altaic studies. 2014, 1. P. 44—57.

Dybo 1995 — *Dybo A.* Die Namen des Zeigefingers in den Türk- und den altaischen Sprachen // Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen: Beiträge des Internationalen Symposiums Berlin, 7. bis 10. Juli 1992 (Turcologica, Band 26), Harrassowitz Verlag 1995. S. 17—43.

Dybo 2013 — *Dybo A.* Language and archeology: some methodological problems. 1. Indo-European and Altaic landscapes // Journal of Language Relationship. 2013, 9. P. 69—92.

EDAL — *Starostin S. A.*, *Dybo A. V.*, *Mudrak O. A.* An Etymological dictionary of Altaic language. Leiden, 2003.

Gast, Kopjetskaja-Tamm 2018 — *Gast V.*, *Koptjevskaja-Tamm M.* The areal factor in lexical typology: some evidence from lexical databases // Aspects of linguistic variation / Ed. *Olmen D. V.*, *Mortelmans T.*, *Brisard F.* Aspects of linguistic variation. Berlin, 2018. P. 43—81.

Helimski 1997 — *Helimski E.* Die Matorische Sprache. Szeged, 1997.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Kamassisches Wörterbuch — *Donner K.*, *Joki A.* Kai Donners Kamassisches Wörterbuch: nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 8.) Helsinki, 1944.

Kassian et al. 2010 — *Kassian A.*, *Starostin G.*, *Dybo A.*, *Chernov V.* The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // Journal of Language Relationship. 2010, 4. P. 46—89.

Münch, Dellert 2015 — *Münch A.*, *Dellert J.* Evaluating the Potential of a Large-Scale Polysemy Network as a Model of Plausible Semantic Shifts // 6th Conference on Quantitative Investigations in Theoretical Linguistics (QITL-6). November 4-6 2015, Tübingen, Germany (supplementary materials).

Rzymski et al. 2020 — *Rzymski C.*, *Tresoldi T.*, *Greenhill S. J.* The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies // Sci Data. 2020, 7. P. 1—12.

Swadesh 1952 — *Swadesh M.* Lexico-statistical dating of prehistoric ethnic contacts // Proceedings of the American Philosophical Society. 1952, 96. P. 452—463.

Swadesh 1955 — *Swadesh M.* Towards greater accuracy in lexicostatistic dating // International Journal of American Linguistics. 1955. Vol. 21, 2. P. 121—137.

UEW — *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.

Vanhove 2008 — From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations / Ed. *Vanhove M.* Amsterdam — Philadelphia, 2008.

Weinreich 1953 — *Weinreich U.* Languages in contact: Findings and problems. The Hague, 1953.

Witkowski, Brown 1985 — *Witkowski S.*, *Brown C.* Climate, clothing, and body-part nomenclature // Ethnology. 1985, 24. P. 197—214.

Zhivlov 2019 — *Zhivlov M.* Areal polysemy ‘earth/year’ in North American languages: historical implications // Этнография / Etnografia. 2019, 3. P. 167—180.